

МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАНИЕ ОЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к.,
на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 коп.,
съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р., 50 к., на полгода
2 р., 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 30 к., на 1 мѣс. 50 коп.
ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 15.

7-го АПРѢЛЯ
1885-го ГОДА

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Донская улица, домъ Ризположен-
ской церкви, квартира протоіерея Виктора Петровича
Рождественскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ за строку, или мѣсто
строки за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к., за 3-раза 24 к.

МОДЕРЖАНІЕ: Москва, 7 апрѣля. Свв. Кириллѣ и Меодіи. Первоначальный Кирилло-Меодіевскій переводъ Библіи. Наслѣдіе свв. Кирилла и Меодіи—церковнославянскій языкъ и его литература. Судьбы Славянскаго богослуженія на западѣ. Вопросъ о единеніи церквей въ связи съ чествованіемъ памяти свв. Кирилла и Меодіи. Библиографія. Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества ко дню тысячелѣтія блаженной ковчиги св. Меодія: „святые Кириллѣ и Меодій, апостолы Славянскіе.“ „Жизнь и подвиги святыхъ Кирилла и Меодія, просвѣтителей Славянъ“. Внутреннія извѣстія. Иностранное обозрѣніе.

МОСКВА, 7 АПРѢЛЯ.

Три великихъ завѣта завѣщали намъ — славянамъ наши общіе свв. первоучители и въ день чествованія ихъ памяти необходимо какъ можно яснѣе ихъ выразумѣть и проникнуться стремленіемъ къ ихъ осуществленію, дабы празднованіе осталось въ памяти не просто какъ торжественное чествованіе славныхъ дѣяній нашихъ великихъ учителей, но и какъ положительное указаніе на задачу и подлежащее дѣло. Разумѣемъ завѣты: 1) хранить въ любви святую вселенской православной истины, 2) блюсти всеславянское единеніе и 3) заботиться о просвѣщеніи свѣтомъ Христовой истины сѣдящихъ во тмѣ и сѣни смертной.

Главнымъ дѣломъ, дѣломъ жизни св. братьевъ было насажденіе св. православной вѣры. Ради этого дѣла они покинули гостеприимныя царскія палаты,

потомъ тишину уединенной келліи; ради него подъяли труды, опасности и лишенія. Ихъ проповѣдь оглашала пространство отъ водъ Каспія до Рима. Они разрушали хитросплетенія язычниковъ, считавшихъ безуміемъ проповѣдь о Христѣ распятомъ; низлагали гордыню іудеевъ, соблазнявшихъ этою проповѣдію; вразумляли поклонниковъ Магомета и даже христіанскимъ неправомыслящимъ учителямъ (латинянамъ) твердо высказывали истинны православія. Насадивъ св. вѣру, они въ предсмертный часъ завѣщали хранить это драгоценное наслѣдіе въ чистотѣ и неприкосновенности, не уступая ни обольщеніямъ, ни угрозамъ. „Чада моя возлюбленная, писалъ св. Меодій, сами вѣсте еретическую во злобѣ силу, како, развращающе, слово Божіе по всякому образу, мутнымъ нечестіемъ искреннихъ напоити тщатся, сія два

предпріемлюще и преобладающе, обольщеніе и устрашеніе, ово убо простѣйшихъ, ово же страшнѣйшихъ ради. Но вамъ отъ обою соблюсти души ваша уповаю и молюся: да не словесъ увѣщаніемъ уловлены, ни тщетною лестію прелщены будете, основани бо бѣсть на камени исповѣданія и ученія апостольскаго, на немъ же и церковь создана есть, ей же врата ада не одолѣютъ (вѣренъ бо есть обѣщавый); ниже страшнымъ чимъ столпостѣны сердець вашихъ да потрясены будутъ: слышасте бо „не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же вредити не могущихъ“. Но заповѣдуя хранить православную вѣру, св. братья и словомъ и дѣломъ наставляли хранить эту святую не съ горделивымъ сознаніемъ превосходства предъ тѣми, кто ею не владѣеть, не съ презрѣніемъ къ другимъ и не со враждою; но съ любовною почитательностію и другихъ сдѣлать участниками вселенской истины. „Иныя утвердите, завѣщавъ св. Меодій, блюсти завѣтъ, его же отъ апостоль и св. отецъ пріяхомъ и иже възвѣщется отъ насъ въ день воздаянія“. Единодушное правосмыслие — это было сердечнымъ желаніемъ и св. Кирилла. „Возрасти церковь Свою множествомъ, молился онъ въ предсмертный часъ ко Господу, и вся въ единодушіе совокупль, сотвори изрядны люди, единомыслища о истинной вѣрѣ Твоей и правѣмъ исповѣданія, вдохни же въ сердца ихъ Слово Твоего ученія, Твой бо есть даръ“. Завѣщая храненіе истины въ любви словомъ, свв. братья являли примѣръ тому и въ своей жизни. Наперсники византійской мудрости, принявшіе посвященіе въ Римѣ, они были олицетвореніемъ объединенія народовъ различныхъ по племеннымъ особенностямъ, по языку, нравамъ и историческимъ условіямъ, въ одной идеѣ вселенскаго православія, незнающаго различія между эллиномъ и іудеемъ. Возвѣщая Христову истину въ духѣ православія, стоя за народный языкъ, они не защищались ни тайными происками, ни раболѣпнымъ ласкательствомъ предъ сильными міра сего; но терпѣли и надѣялись, покорялись и кротко увѣщевали, просили и молили оставить имъ право воздѣлывать Христову ниву и такимъ образомъ явили міру и намъ завѣщали любовь, какъ силу, которою можно преодолѣть трудности, положенныя вѣковою рознью на пути къ единенію востока и запада въ единой вселенской Церкви.

Завѣщая человечеству единеніе вселенско-церковное, св. братья завѣщали славянству единеніе особенное — національное. Какъ бы прозрѣвая въ отдаленности вѣковъ грядущія нестроенія въ семьѣ славянскихъ народовъ, рознь и обособленіе, они связали ихъ единою грамотою, дали имъ единый общеславянской переводъ Библии и общее богослуженіе. И стоятъ теперь эти священные узлы, надъ главами всѣхъ славянъ, изъятые изъ законовъ времени, не подвергающіеся разрушенію и не умолчно вѣщаютъ славянамъ, что они братья не по плоти и крови только, но и по духу; что обособленіе славянъ передавшихся на сторону латинства, есть дѣло, исторгающее слезы у истиннаго славянина, — есть печаль всеславянская. Да пробудитъ празднованіе памяти Кирилла и Меодія въ нашихъ западныхъ братьяхъ сознаніе своего плотскаго и духовнаго единства съ нами; да исторгнетъ изъ сердца ихъ скорбь

о разрушенномъ союзѣ и живое стремленіе къ возстановленію этого союза! Когда славяне времени Кирилла и Меодія услышали священные глаголы на родномъ языкѣ, ихъ объяла радость неизреченная. „И отверзшася, повѣствуетъ лѣтописецъ, по пророческому словеси, уши глухихъ, услышати книжная словеса, и языкъ ясенъ бысть гугнивымъ: Богъ же возвеселися о семъ велими, и діаволь постыдѣся“. Долгъ народовъ славянскихъ, еще не утратившихъ дара, унаслѣдованнаго отъ св. братьевъ, хранить его съ тѣмъ же благоговѣніемъ и радостію, съ какими онъ былъ принятъ современниками и заботиться о томъ, чтобы и утратившіе его снова почувствовали нужду въ немъ и обратились за нимъ къ своимъ братьямъ, какъ нѣкогда моравы къ греческому императору Михаилу.

Послѣдній изъ трехъ великихъ завѣтовъ, завѣщенныхъ намъ св. братьями, есть апостольская дѣятельность миссіи. Свв. Кириллъ и Меодій проповѣдывали не только славянамъ (отчасти и до нихъ уже познакомившимся съ христіанствомъ), но и отдаленнымъ народамъ: хозарамъ, сарацинамъ и др. Наше время не менѣе нуждается въ людяхъ, рѣшающихся посвятить себя на святое дѣло апостольской проповѣди. Да изведетъ Господь, по молитвѣ св. своихъ угодниковъ, на нивы, еще не воздѣланныя, мужей, проникнутыхъ ревностію нашихъ первоучителей, согрѣтыхъ ихъ любовію ко Христу и готовыхъ отдаться св. дѣлу съ полнымъ самоотверженіемъ.

Да не останутся эти завѣты св. братьевъ, память которыхъ свѣтло празднуетъ нынѣ земля русская, празднымъ словомъ, мѣдью звенящею или кимваломъ бряцающимъ, но да будутъ дѣломъ. Научное уясненіе православной истины предъ иномыслищими, содѣйствіе распространенію знанія славянскаго языка, уясненіе смысла православнаго богослуженія, лепта на благотвореніе славянамъ, на св. дѣло миссіи — вотъ нѣкоторые изъ многихъ путей, которыми можно ознаменовывать и почитать не словомъ только, а и дѣломъ память свв. Кирилла и Меодія.

СВВ. КИРИЛЛЪ И МЕОДІЙ.

Свв. братья, Кириллъ и Меодій, родились въ г. Солуя (въ Македоніи); родители ихъ были знатные и благочестивые люди: Левъ и Марія. Отецъ занималъ очень видную (военную) должность. По его примѣру, старшій изъ сихъ братьевъ Меодій, по окончаніи воспитанія, вступилъ на государственную службу. Онъ назначенъ былъ императоромъ Теофиломъ правителемъ одной области. Но скоро Меодій почувствовалъ другое призваніе, призваніе къ иноческой жизни. Онъ оставилъ свою почетную должность и поступилъ въ монастырь на Олимпѣ (Аѳонѣ).

Характеръ другаго брата опредѣлился еще скорѣе. Кириллъ (называвшійся до иночества Константиномъ) еще въ дѣтствѣ обнаружилъ склонность къ созерцательной жизни. Онъ обладалъ необыкновенными дарованіями и особенною любовію къ ученію; и родители его всѣми средствами заботились о развитіи ихъ. До чего доходило рвеніе юноши Кирилла къ наукамъ, показываетъ слѣдующій, повидимому, — незначительный случай. Разъ онъ долго не понималъ чего-то въ своемъ ученіи, эта неудача такъ огорчила его, что онъ обратился къ

своему учителю съ такими словами: «возьми себѣ часть изъ наслѣдства, какая мнѣ слѣдуетъ послѣ моего отца, только научи меня». Такъ сильно было его усердіе и любовь къ ученію!—До 15 лѣтъ Кириллъ воспитывался дома, подъ руководствомъ лучшихъ учителей, а съ этого возраста, его отправили въ Константинополь, гдѣ онъ учился вмѣстѣ съ императоромъ Михаиломъ 3-мъ. Такимъ образомъ, онъ получилъ лучшее по тому времени образованіе и общался собою великаго ученаго-дѣятеля.

По окончаніи образованія св. Кириллъ остается вѣрнѣе своему раннему направленію. Глубокое богословствованіе, развитое на чтеніи твореній Григорія Богослова, составляетъ всегда отличительную его черту. Въ жертву любви къ богословской наукѣ онъ принесъ всѣ почетныя и дѣстныя предложенія, какія ему дѣлали, и даже однажды убѣжалъ изъ Константинополя, когда замѣтилъ, что его желаютъ женить на одной знатной и красивой дѣвушкѣ. Такая строгая и ревнивая любовь къ наукѣ скоро перешла и въ дѣятельность и одушевляла ее до конца жизни св. Кирилла.

Пробывъ нѣкоторое время (по окончаніи образованія), библиотечкаремъ при церкви св. Софіи (уже въ санѣ священника) и заявивъ свою ученость побѣдоносными спорами — съ еретикомъ-иконоборцемъ Анніемъ (бывшимъ патриархомъ) и магометанами, онъ удаляется къ своему брату въ монастырь. Какъ будто тайное, невѣдомое предчувствіе свело братьевъ для сосредоточеннаго приготовленія къ ожидавшимъ ихъ апостольскимъ трудамъ; но эти труды начались прежде, чѣмъ они успѣли кончить всѣ задуманныя приготовленія.

Къ греческому императору Михаилу пришло посольство отъ язычниковъ Хозаръ. Царство хозарское въ то время занимало пространства отъ береговъ Азовскаго и Чернаго морей до Кавказскихъ горъ. Между хозарами жило много арабовъ и евреевъ; и тѣ и другіе склоняли ихъ къ своей вѣрѣ. Но хозары лучше цѣнили греческую религію и рѣшались принять ее. По ихъ просьбѣ, отправились къ нимъ Кириллъ и Меѳодій. Первымъ городомъ, который они посѣтили по дорогѣ, былъ Херсонесъ, въ нынѣшнемъ Крыму. Здѣсь свв. братья получили свидѣтельство благоволенія къ нимъ Промысла Божія: они открыли въ морѣ мощи св. Климента римскаго. Здѣсь же они получили и первый успѣхъ въ своей проповѣди, обративъ въ христіанство нѣсколькихъ евреевъ съ учителемъ во главѣ. Прибывъ въ столицу хозарскаго Когана, свв. братья должны были вступить въ пренія о вѣрѣ съ языческими и еврейскими мудрецами. Въ этихъ преніяхъ принималъ участіе самъ Коганъ; онъ, повидимому, держалъ сторону евреевъ. Но не смотря на такую для себя невыгоду, Кириллъ и Меѳодій вышли полными побѣдителями. Чтобы показать, какъ могло это случиться, приводимъ отрывокъ изъ самаго спора. Онъ происходилъ по обычаю того времени во время обѣда когана или князя.

«Во время обѣда, князь, взявъ чашу съ виномъ, сказалъ: «будемъ пить во имя Бога Единого, Который сотворилъ всю тварь». Св. Кириллъ отвѣчалъ на это: «я нѣко во имя Бога Единого и Слова Его, Которыя создалъ міръ, и Животворящаго Духа, Который подаетъ силу и жизнь всей созданной твари». Князь сказалъ ему: «мы одинаково съ вами признаемъ Единого Бога, сотворившаго всю тварь, но разнимся только въ томъ, что вы славите Св. Троицу, а мы Единого Бога, какъ и еврейскія книги научаютъ». Св. Кириллъ сказалъ: «если вы изъ еврейскихъ книгъ научились почитать Единого

Бога, то изъ тѣхъ же книгъ научитесь почитать и Пресвятую Троицу. Царь и пророкъ Давидъ говоритъ: «Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ». Здѣсь ясно говорится о трехъ Лицахъ въ единомъ Божествѣ,—Господь есть Богъ-Отецъ, Слово—Богъ-Сынъ, Духъ же устъ Господнихъ есть Богъ-Духъ-Святый. Но какъ не три Господа упоминаются здѣсь, а Одинъ Господь съ Словомъ и Духомъ Своимъ, такъ не три Бога, но Одинъ Богъ, почитаемый нами. Тоже самое говорятъ и другіе пророки. Бывшіе тутъ іудеи спросили св. Кирилла: «скажи намъ, христіанскій философъ, какъ можетъ женщина вмѣстѣ во чревѣ Бога, Котораго и видѣть невозможно, а не только родить?» Тогда св. Кириллъ, указывая на князя и перваго его совѣтника, сказалъ: «если бы кто сказалъ, что этотъ первый совѣтникъ не можетъ принять въ свой домъ князя и угостить его, а послѣдній изъ рабовъ можетъ это сдѣлать, какъ назвать сказавшаго это, безумнымъ, или разумнымъ?» — «Конечно, безумнымъ», отвѣчали ему. «Какая тварь самая высшая въ мірѣ?» спросилъ св. Кириллъ. Ему отвѣчали, что выше всѣхъ тварей человѣкъ. Если такъ, сказалъ онъ, то неразумно поступаютъ тѣ, которые говорятъ, что Богъ не можетъ вмѣститься въ утробѣ человѣческой, когда Онъ вмѣщался въ купинѣ, видѣнной Моисеемъ. Ужели купина, тварь безчувственная и бездушная, выше чувственной и разумной твари, одаренной Богоподобною душою? Въ бурю, въ облако, въ дымъ и огонь вмѣщался Богъ, когда являлся Іову, Моисею и Илии, и что же удивительнаго, если Онъ, желая явиться на землѣ для спасенія людей отъ смерти, вмѣстился въ высшую одушевленную тварь? ибо высшее твореніе — человѣкъ отъ кого могло подучить исцѣленіе и обновленіе, какъ не отъ Самого Творца? Поэтому, Сынъ Божій, вознамѣрившись исцѣлить и обновить родъ человѣчскій, благоволилъ дѣйствіемъ Духа Святаго вселиться въ чистой дѣвической, а не женской утробѣ и воплотиться, родиться отъ нея, какъ и предсказалъ о томъ пророкъ Исаія: «се дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына»... и т. д. Такъ сильно-доказательны были доводы св. Кирилла. Князь хозарскій былъ убѣжденъ ими и съ нѣкоторыми вельможами и народомъ принялъ христіанство и св. крещеніе.

Выполнивъ такъ удачно свою миссію, Кириллъ и Меѳодій возвратился въ Царьградъ. Здѣсь они усердно занимались переводомъ свящ. книгъ на славянскій языкъ. Это дѣло начато было ими еще раньше. Чувствуя въ себѣ призваніе къ апостольской дѣятельности между славянами, еще прежде чѣмъ выступить въ ней, Кириллъ изобрѣлъ славянскую азбуку. До него славяне были безграмотны и жили въ совершенномъ невѣжествѣ. Желая ихъ просвѣтить Христовымъ ученіемъ, св. Кириллъ понималъ, что вмѣстѣ съ этимъ, имъ необходимо нужно было дать и письмена. И онъ, дѣйствительно, далъ ихъ.

Едва онъ успѣлъ съ братомъ, — перевести на славянскій языкъ—чтенія изъ Евангелія и Апостола, а также псалтирь, утреннюю службу, часы, вечерню и литургію, какъ пришло къ нимъ извѣстіе, что славяне-моравы просятъ къ себѣ учителей, знающихъ славянскій языкъ. Это извѣстіе принесено было въ Константинополь особыми посланцами отъ трехъ моравскихъ князей: Ростислава, Святополка и Коцела. «Народъ нашъ, говорили они царю и патриарху, давно уже принялъ христіанскій законъ, къ намъ приходятъ многіе христіанскіе учителя изъ разныхъ странъ и учатъ насъ вѣрѣ различно, мы же, люди простые, не знаемъ, на чьей

сторонѣ правда, не имѣемъ мы такого учителя, который бы передалъ намъ законъ христіанскій на родномъ нашемъ языкѣ; а потому и просимъ прислать намъ такого учителя». По волѣ Императора и патриарха къ моравамъ были посланы Кириллъ и Меѳодій. Они прибыли въ Моравію весною 863 г. и немедленно начали свою проповѣдь. Ихъ ученіе на понятномъ языкѣ такъ понравилось моравамъ, что они собирались слушать Кирилла и Меѳодія цѣлыми толпами, и толпами же принимали св. вѣру. Для крещенныхъ св. братья совершали церковную службу, съ чтеніемъ и пѣніемъ на славянскомъ же языкѣ. Изъ Велеграда, города, — въ которомъ остановились св. братья и начали первую свою проповѣдь, свв. вѣр-учители ходили и по окрестнымъ селамъ, вездѣ убѣждая язычниковъ отъ своихъ идоловъ и познать истиннаго Бога, и повсюду имѣли успѣхъ.

Но этотъ-то успѣхъ, вмѣстѣ съ радостію, причинилъ имъ не мало и огорченій. Нѣмецкое духовенство возненавидѣло свв. братьевъ. Въ успѣхѣ ихъ проповѣди оно увидѣло ущербъ своимъ доходамъ и, чтобы воспрепятствовать ему, донесло на нихъ въ Римъ папѣ Николаю 1-му: этотъ властолюбивый человекъ тоже былъ недоволенъ подвигами славянскихъ просвѣтителей, потому что они начали свою дѣятельность безъ его разрѣшенія. Къ счастью для всѣхъ славянъ, онъ скоро умеръ. Передъ смертію онъ вызвалъ было къ себѣ Кирилла и Меѳодія, но они уже не застали его въ живыхъ; а его преемникъ Адрианъ II обошелся съ ними ласково и дружелюбно, одобрилъ и благословилъ ихъ труды. — Но св. Кириллу уже не суждено было возвратиться къ славянамъ. Въ Римѣ, пробывъ тамъ около года, онъ опасно заболѣлъ и умеръ 14 февраля 869 г. На смертномъ одрѣ онъ завѣщалъ брату не оставлять начатаго обращенія славянъ въ христіанство, что Меѳодій и исполнилъ.

Послѣ смерти св. Кирилла онъ остался одинокъ; но двойное бремя апостольскихъ трудовъ не надломило его святой рѣшимости окончить насажденія св. вѣры между славянскими племенами. Похоронивъ брата, онъ оставляетъ Римъ и спѣшно возвращается къ моравамъ. Но здѣсь, въ его отсутствіе произошли очень важныя перемѣны, которыя поглотили все вниманіе народа и заставили его забыть о св. Меѳодіи. Князь Ростиславъ, который покровительствовалъ ему прежде, потерпѣлъ пораженіе отъ своего племянника Святополка, и, схваченный имъ, былъ заключенъ въ темницу и ослѣпленъ. Не встрѣчая себѣ сочувствія, Меѳодій удалился въ Паннонію, къ князю Коцелу. Радужно принятый здѣсь, онъ весь отдается дѣлу просвѣщенія народнаго. Онъ проповѣдуетъ слово Божіе, совершаетъ церковныя службы и, получивъ санъ архіепископа паннонскаго, самъ назначаетъ и посвящаетъ священниковъ. Въ то же время онъ устраиваетъ школы и продолжаетъ переводъ библіи и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Такая обширная и плодотворная дѣятельность св. Меѳодія продолжается около трехъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ на него обрушиваются гоненія нѣмецкаго духовенства, отвлекшія его отъ этой дѣятельности.

Нѣмецкое духовенство начало съ того, что возбудило противъ Меѳодія Моравскаго князя Святополка. Своими наговорами и клеветами оно достигло, наконецъ, того, что Меѳодій былъ заключенъ въ заточеніе (въ одномъ монастырѣ). Это положеніе онъ переносилъ два съ половиною года, послѣ чего получилъ оправданіе изъ устъ самого папы. Всѣ обвиненія, которыя ввозили на св. Меѳодія онъ призналъ не-

справедливыми; а именно: его обвиняли въ неправославіи, въ отступленіи отъ истинной вѣры; папа же (Іоаннъ VIII), на соборѣ епископовъ, выслушавъ исповѣданіе Меѳодія, призналъ его не только невиннымъ, но и возвратилъ ему архіепископскую кафедру съ обязательствомъ, чтобы «пресвитеры, дьяконы и священнослужители всякихъ чиновъ славянскаго и другаго какого либо племени», живущіе въ предѣлахъ Паннонской области, подчинялись ему и безъ его вѣдома ничего не дѣлали. Далѣе, св. Меѳодія обвиняли въ томъ, что онъ вводитъ у славянъ богослуженіе на славянскомъ нарѣчій; Іоаннъ VIII разрѣшаетъ ему и это. «Славянскія письма», писалъ онъ поэтому вопросу Моравскому князю Святополку, изобрѣтенныя философомъ Константиномъ, которыми воспѣваются должныя Богу хвалы, по справедливости, похваляемъ и повелѣваемъ, чтобы на ономъ языкѣ говорились проповѣди и возвѣщались дѣла Христа Бога нашего; ибо Священное Писаніе не тремя только (разумѣются: еврейск., греч. и римскій), но всѣми языками восхвалять Господа повелѣваетъ: «хвалите Господа вси языцы»... —

Но враги св. Меѳодія не стѣснялись подобнымъ исходомъ своихъ обвиненій. Оправданіе и покровительство къ нему самого папы не остановило ихъ вражды. Они прабѣгаютъ и къ подлогамъ, и къ обманамъ, и къ лести передъ княземъ Святополкомъ, чтобы повредить ему и успѣху его просвѣтительной дѣятельности среди моравовъ, — но всѣ ихъ усилія были тщетны. Вѣрный завѣту своего брата, св. Меѳодій не переставая трудился на пользу моравской церкви; и пятнадцатилѣтнія преслѣдованія со стороны латинско-нѣмецкаго духовенства ни разу не поколебали его апостольской ревности. И Господь благословилъ его труды: православная церковь не только окрѣпла среди моравовъ, но отсюда распространилась и по другимъ славянскимъ странамъ; прямыми насадителями ея въ нихъ были ученики св. Меѳодія: Гораздъ, Климентъ, Лаврентій, Наумъ, Савва, Ангеларъ и друг — это были самые близкіе къ Меѳодію ученики. Они проповѣдывали — въ Хорватіи, Далмаціи, Чехіи и Богеміи. — Изъ числа этихъ же любимыхъ учениковъ Меѳодій избралъ себѣ и преемника. Когда его просили сдѣлать это, онъ указалъ на Горазда. — Онъ скончался, послѣ 16-лѣтняго управленія паннонскою и моравскою церковію, на рукахъ своихъ учениковъ, апрѣля 6-го 885 года, ровно тысячу лѣтъ тому назадъ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ КИРИЛЛО-МЕѳОДИЕВСКІЙ ПЕРЕВОДЪ БИБЛІИ.

Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» №№ 53 и 57 текущаго года высказана мысль о благовременности исправленія Библіи и богослужебныхъ книгъ во славу свв. Кирилла и Меѳодія. Достопочтенный редакторъ газеты выражаетъ желаніе, чтобы «восчествована была память свв. нашихъ первоучителей дѣяніемъ, прямо относящимся къ оставленному ими намъ наслѣдію. Пересмотръ текста богослужебныхъ книгъ давно ждетъ своей очереди; славянскій текстъ Библіи также заслуживаетъ пересмотра». Указывая неосновательность опасенія чрезъ новый пересмотръ книгъ дать новую пищу расколу, г. Гиляровъ-Платоновъ выражаетъ надежду, что наоборотъ, исправленіе, нынѣ предпринимаемое, облегчитъ примиреніе старообрядцевъ съ церковію... II археографія, и археологія и критика текста шагнули вообще въ двѣсти лѣтъ далеко. Исправленіе можетъ повестись не на спѣхъ, не кое по какимъ под-

линиямъ и не съ кое какимъ знаніемъ славянскаго языка. Производимое во всеоружіи богословской и филологической науки, всесторонне — безпристрастно, исправленіе послужитъ къ торжеству истины и если не къ искорененію раскола, то къ его ослабленію. Но исправленіе должно имѣть значеніе для нашего просвѣщенія вообще. Первоначальное наше просвѣщеніе и вся наша письменность названы на наслѣдіи Кирилла и Меодія, на церковной литературѣ; колыбель нашего языка въ его культурномъ состояніи — тамъ же. И если церковно-славянскую книгу мы владемъ въ основаніе народнаго просвѣщенія, то необходимо позаботиться о самой этой книгѣ, чтобы она не содержала искаженій, уклоненій, невѣжественныхъ поправокъ... Исправленіе необходимо для возстановленія правильности въ языкѣ перевода. «Пора!» — заключаетъ редакторъ газеты: се время благоприятно! Пересмотру Славянскаго текста и Библии и богослужебныхъ книгъ въ славу свв. Кирилла и Меодія должно быть положено прочное начало: въ видахъ умиротворенія церкви и къ утвержденію просвѣщенія на основаніи, намъ отъ начала преданномъ».

Благоговѣнная признательность къ памяти свв. первоучителей, драгоценное наслѣдіе которыхъ мы приняли, налагаетъ на насъ, какъ намъ кажется, еще и другую обязанность. Надобно намъ стараться о томъ, чтобы имѣть передъ собою въ чистомъ, первоначальномъ видѣ (на сколько, конечно, позволяютъ сохранившіяся, древнія библейскія рукописи) драгоценное наслѣдіе, оставленное намъ свв. нашими первоучителями, надобно намъ, затѣмъ, позаботиться составить полную критическую исторію славянскаго текста... Необходимо имѣть чистый и удобопонятный текстъ, но столь-же необходимъ и текстъ критически исправленный и возстановленный. Напрасно мы стали бы искать текста въ библейскихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ: его тамъ нѣтъ, да и не могло быть. Исторія кирилло-меодіевскаго перевода Библии, по рукописямъ, правда съ убѣдительною показываетъ, какъ усердно наши предки изучали книги Св. Писанія и съ какою заботливостію исправлялись намѣренно и ненамѣренно попадавшіяся въ рукописяхъ ошибки. Слѣдная привязанность нѣкоторыхъ къ старинному тексту Библии, упорно державшаяся у насъ до настоящаго времени, не имѣетъ для себя никакихъ оправданій въ исторіи этого текста. Дѣло въ томъ, что библейскій текстъ въ славянскихъ рукописяхъ не оставался безъ измѣненій во все время его существованія и что исправленіе библейскихъ книгъ не есть дѣло новаго только времени: Св. Церковь постоянно заботилась о томъ, чтобы имѣть библейскія книги въ совершенномъ видѣ и пользовалась для этого разными средствами, допуская измѣненія, исправленія, замѣну однихъ словъ другими и т. п. И однако, какъ древніе, такъ и позднѣйшіе исправители, при всемъ желаніи и усердіи въ работѣ далеки были отъ выполненія своей задачи — исправленія славянскаго текста сваш. книгъ, а тѣмъ болѣе возстановленія его въ первоначальномъ видѣ. Исправленія главнымъ образомъ состояли въ приспособленіи библейскаго славянскаго текста къ пониманію читателей извѣстнаго времени. При такомъ началѣ, исправленія всегда, чрезъ извѣстные промежутки времени, будутъ необходимы, потому-что какъ понятія такъ и языкъ народа постоянно живетъ и развивается, а слѣд. и подвергается измѣненіямъ.

Между тѣмъ, если мы доселѣ не имѣемъ полной критической исторіи славянскаго текста Библии, то это еще не значить, что мы и не можемъ ея имѣть. Есть по крайней мѣрѣ

отдѣльныя попытки историко-критическаго обозрѣнія славянскаго библейскаго текста. Уважемъ на опыты возстановленія первоначальнаго славянскаго перевода Евангелія въ трудахъ А. В. Горскаго, К. И. Невоструева, академика И. В. Ягича и о. архим. Амфилохія, уважемъ на нашъ собственный трудъ о древнемъ славянскомъ переводѣ Апостола (Москва, 1879). Не вдаваясь здѣсь въ подробности о критическихъ началахъ, какія должны быть приняты для выдѣленія того, что въ древнихъ славянскихъ спискахъ Библии можетъ быть относительно къ остаткамъ подлиннаго Кирилло-Меодіевскаго перевода (о семъ см. въ нашемъ изслѣдованіи: «Древній слав. переводъ Апостола и его судьба до XV в.» М. 1879, стр. 12—22), мы предложимъ только краткіе выводы относительно первоначальнаго славянскаго перевода Евангелія и Апостола.

1) Свв. Кириллъ и Меодій первоначально перевели на славянскій языкъ Евангеліе и Апостолъ-апракосы, то есть избранныя чтенія, расположенныя въ особенномъ порядкѣ для церковнаго употребленія. О св. Кириллѣ прямо замѣчено, что онъ, по изобрѣтеніи письменъ, началъ переводить: „ископи въ Слово, и Слово въ оу Бгѣ, и Бгѣ въ Слово“. Этими словами пасхальнаго чтенія начинается обыкновенно Евангеліе-апракосъ. Іоаннъ экзархъ болгарскій также ясно говоритъ, что св. Кириллъ „прѣлагахъ отъ Евангеліа и Апостола изборъ“.

2) Для перевода Св. братья Первоучители имѣли подъ руками греческіе списки, сходные съ сохранившимися до нашего времени древнѣйшими греческими кодексами Новаго Завета, каковы: Синайскій, Александрійскій, Ватиканскій и др. Для образца вотъ нѣсколько мѣстъ изъ Евангелія, слѣдующихъ чтеніямъ вышеозначенныхъ греческихъ кодексовъ: Іоан. 1, 28; 5, 2, 4; 6, 40; 7, 39; 9, 21; 11, 41; 12, 47; 17, 5; 20, 16... Нынѣ всѣ эти мѣста исправлены по инымъ, болѣе позднимъ греческимъ спискамъ.

3) Первоначальный Кирилло-Меодіевскій переводъ Евангелія и Апостола заключаетъ въ себѣ много словъ и оборотовъ старинныхъ, происхожденія мораво-паннонскаго и южно-славянскаго, позднѣе вышедшихъ изъ употребленія. Таковы, напр., слова, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ Кирилловскихъ и особенно въ глаголическихъ спискахъ *Евангелія*: блни, въслѣнати, жани, искръ, закленжти, клепати, мисл, натроути; непризми, склазь, спити, рѣспота, сцѣгло, тенсти, хлжпати, шдро и др., *Апостола*: ашоути, врска, непризми, рѣспота, спити, тенсти, хлжпати и др. Нынѣ всѣ эти слова замѣнены новыми, общепонятными.

4) Отличіе первоначально Кирилло-Меодіевскаго перевода отъ нынѣшняго текста особенно рѣзко выражается въ передачѣ нѣкоторыхъ, чаще встрѣчающихся словъ и выраженій. Такъ, напр., и въ Евангеліи и Апостолѣ греч. *γραφή*, *γραφαί*, *γράμματα* переводятся однимъ словомъ: „книги“, *κόσμος* — весь миръ, *μονογενής* — иноуадын, *ὁ ποιητής*, *σατανας*, *διάβολος* — непризми, *τίς* — итеръ, *ώρα* — година и т. д. Нынѣ эти греческія слова переводятся иначе.

5) Первоначальный Кирилло-Меодіевскій переводъ отличается точностію, вѣрностію подлиннику и ясностію, при большей или меньшей свободѣ переложенія. При вообще дословной передачѣ подлинника, соблюдаются однако-жъ требованія славянскаго синтаксиса. Позднѣе стали ближе держаться буквальной точности, иногда даже въ ущербъ требованіямъ славянскаго языка.

6) Кирилло-меѳодіевскій переводъ съ самаго начала отличался замѣчательною чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшею вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, дохристіанскій бытъ. Видно, что первые переводчики старались передать христіанскія понятія во всевозможной чистотѣ: все, что напоминало обрядъ или обычай языческой и противный христіанству, они считали недостойнымъ евангельской чистоты... Не одними общими, отвлеченными понятіями славянскіе переводчики передавали христіанскія идеи, но и уже готовыми словами христіанскаго значенія, можетъ быть задолго до перевода уже утвердившимися въ славянскомъ языкѣ. Эти христіанскія слова вошли въ переводъ Св. Писанія какъ бы по преданію уже христіанскому. Таковы, напр., крестъ, оltарь, церковь. Онѣ были уже всѣмъ понятны, совершенно ославянились, ходили въ устахъ народа, ранѣе перевода Св. Писанія, вытѣснивъ собою языческія понятія, имъ соотвѣтствующія. Такія готовые слова тѣмъ охотнѣе заимствовались переводчиками, чѣмъ менѣе напоминали они славянамъ старину и ихъ прежнія, языческія вѣрованія.

7. Въ Кирилло-Меѳодіевскомъ переводѣ Св. Писанія замѣтно обиліе грецизмовъ, естественно объясняющееся тѣмъ, что оригиналъ для перевода былъ греческій. И въ нынѣшнемъ текстѣ Евангелія и Апостола встрѣчаются греческія слова, но въ первоначальномъ славянскомъ переводѣ ихъ несравненно болѣе. Не перечисляемъ здѣсь этихъ словъ, такъ какъ перечень ихъ вышелъ бы довольно длинный.

8. Самый языкъ первоначальнаго славянскаго перевода Библии, при необыкновенной стройности и благозвучности, отличается величественными, изящными, правильными и разнообразными формами. Эту стройность, разнообразіе и красоту рѣчи составляютъ полныя и усѣченныя формы, въ извѣстныхъ случаяхъ соблюдаемыя въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, строго повсюду соблюдаемыя двойственныя числа, два неокончательныхъ наклоненія, простое и достигательное и нѣкоторыя другія, вышедшія изъ употребленія формы и обороты.—Таковы, въ краткихъ чертахъ, свойства славянскаго перевода Новаго Заветъа, совершеннаго назадъ тому тысячу лѣтъ свв. Просвѣтителями славянъ Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Г. Воскресенскій.

НАСЛѢДІЕ СВВ. КИРИЛЛА И МЕѳОДІА — ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ И ЕГО ЛИТЕРАТУРА.

Празднуя нынѣ 1000-лѣтній юбилей святыхъ первоучителей славянства, братьевъ Солунскихъ Кирилла и Меѳодія, умѣстно повнимательнѣе отнестись къ сокровищу, оставленному ими въ наслѣдіе намъ — церковно-славянскому языку и его литературѣ. Если мы оцѣнимъ надлежащимъ образомъ это сокровище, то извлечемъ отсюда назидательный урокъ для себя на будущее время и узнаемъ завѣтъ приспомянутыхъ учителей, къ исполненію котораго обязываетъ насъ то, что сдѣлали для насъ святые братья.

«Славянскій литературный языкъ» говоритъ г. Кочубинскій на страницахъ «Историческаго Вѣстника», «первый по времени въ Европѣ съ изяществомъ и точностью передаетъ самыя глубокія и возвышенныя мысли христіанскаго ученія; славянскій переводъ Священнаго Писанія, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера Меѳодія,—художественный, образцовый, ибо онъ близокъ къ своему греческому оригиналу и въ тоже

время свободный, благородный». Нельзя не согласиться съ этою вполне вѣрной и справедливой характеристикой. При внимательномъ чтеніи литературныхъ произведеній церковно-славянскаго языка рѣдкія оригинальныя его литературныя достоинства могутъ поразить всякаго образованнаго человѣка, даже знакомаго съ наиболѣе развитыми современными языками—языкомъ Шиллера и Гете, Петрарки и Данта, Мильтона и Шекспира, и другими, выставившими если не столь же великихъ, то все же пріобрѣвшихъ всемірную извѣстность представителей литературнаго слова. Но и необразованный человѣкъ, лингвистическія познанія котораго не простираются далѣе знакомства съ родной рѣчью, въ состояніи видѣть, что литературный церковно-славянскій языкъ въ высшей степени одаренъ способностію къ передачѣ самыхъ глубокихъ и возвышенныхъ понятій и идей въ формѣ, наиболѣе доступной воспріятію и простецу, не теряя однакожъ при этомъ ни одного изъ своихъ отличительныхъ свойствъ,—ни краткости и точности, ни изящества и благозвучія, ни силы и выразительности. Напротивъ эти-то качества и дѣлаютъ его яснымъ и понятнымъ, такимъ языкомъ, рѣчь на которомъ для всякаго можетъ ласкать слухъ, облегчать работу ума и проникать до глубины сердца. И замѣчательнѣе всего при этомъ то обстоятельство, что славянскій литературный языкъ не былъ предметомъ столь тщательной и продолжительной обработки, каковой подвергались другіе языки, надъ нимъ не трудились столько и такіе высокообразованные люди, сколько, напр., потрудились надъ обработкой нѣмецкаго языка такой гениальный человѣкъ, какимъ былъ Лессингъ. Славянскій языкъ возросъ на чисто-народной почвѣ въ то еще время, когда народъ, его созидавшій, стоялъ на первобытной ступени своего культурнаго развитія и цивилизаціи, когда все его міросозерцаніе всецѣло основывалось на непосредственномъ чувствѣ. Эта непосредственность чувства и связанная съ нею конкретность выраженія сказываются въ славянскомъ языкѣ на каждомъ шагу,—въ томъ самомъ языкѣ, который увѣковѣченъ для насъ въ Священномъ Писаніи и церковно-богослужебныхъ книгахъ трудами приспомянутыхъ учителей славянства—Меѳодія и Кирилла.

Конечно, отчасти въ указанныхъ выше свойствахъ и характеристическихъ особенностяхъ церковно-славянскаго языка нужно искать объясненія того любопытнаго явленія, что русскій простой народъ такъ долго и такъ упорно сохраняетъ свою привязанность къ нему, не смотря на то, что самъ говорить на другомъ языкѣ, далеко отъ церковно-славянскаго. Для человѣка, непривыкшаго мыслить отвлеченно, но вѣрующаго въ простотѣ сердца, этотъ языкъ способенъ многое сказать однимъ краткимъ, но сильнымъ и мѣткимъ выраженіемъ, не похожимъ на растянутые и часто запутанные синтаксическіе обороты современнаго русскаго литературнаго языка. Этому послѣдняя простой русскій народъ иногда совсѣмъ не понимаетъ, болѣею же частью понимаетъ его съ трудомъ. Потому то у насъ и существуетъ въ литературѣ особый народный языкъ и даже особая народная литература. Но и эта послѣдняя чаще всего не можетъ удовлетворять и дѣйствительно не удовлетворяетъ простаго народа, впрочемъ не потому только, что языкъ ея не всегда понятенъ для него, но главнымъ образомъ потому, что по содержанию своему она далеко не соответствуетъ духовнымъ потребностямъ русскаго простолюдина. Даютъ настоящую пищу уму, воображенію, нравственной жаднѣ нашего крестьянина—грамотѣ, поддер-

живають въ немъ способность къ тому серьезному чтенію, которое одно полезно и желательно, тѣ неисчерпаемыя богатства нашего богослужебнаго круга—этого сокровища поэзіи, нравственнаго и догматическаго поученія наряду съ Священнымъ Писаніемъ, которыя первоначально всѣ и можно было читать только на славянскомъ языкѣ, и теперь большею частью остаются непереуведенными на гражданскій русскій языкъ. Да и будучи переведенными на послѣдній, они часто и даже почти всегда теряютъ первоначальную свою вразумительность, ясность, точность и силу выраженія, и слѣд. утрачиваютъ значительную долю того впечатлѣнія и вліянія, какое они должны бы производить на слушателя и читателя. Между тѣмъ если нашъ народъ, не смотря на недостатокъ образованія, сохраняетъ еще замѣчательный крѣпкій здравый смыслъ и часто удивляетъ правильностію воззрѣній, мѣткостью замѣчаній и остроуміемъ, то этимъ обязанъ излюбленной имъ въ древней школѣ и въ настоящее время религіозной литературѣ, столь богатой глубокими уроками и правилами жизни, которая ему доступна была лишь на славянскомъ языкѣ. Если нашъ народъ кротокъ, простодушенъ и долготерпѣливъ еще доселѣ, то оттого, что искони воспринималъ и теперь часто воспринимаетъ тѣ высокія чувства покорности волѣ Божіей, преданности вѣрѣ и снисхожденія къ слабостямъ ближняго, которыми полны житія святыхъ и псалмы Давида,—книги древней школы, доселѣ преимущественно любимыя народомъ и знакомыя ему преимущественно на славянскомъ языкѣ.

Очевидно, что книги такого рода безусловно не могутъ быть отнимаемы у народа, напротивъ всѣ старанія нужно употребить для того, чтобы сдѣлать ихъ насколько можно болѣе доступными для него; нужно воспользоваться всѣми средствами, чтобы всякій простолюдинъ могъ пользоваться ими какъ пастольными книгами; словомъ: нужно позаботиться о самомъ широкомъ распространеніи ихъ среди простаго народа.—Въ этихъ цѣляхъ намъ кажется далеко не бесполезнымъ такое изданіе книгъ Священнаго Писанія, житій святыхъ и службъ церковныхъ на славянскимъ языкѣ, которое бы было во всѣхъ отношеніяхъ вполне доступно для крестьянъ. Здѣсь главнымъ образомъ имѣютъ значеніе два условія: шрифтъ и цѣна. Шрифтъ, какъ это понятно само собою, долженъ быть отчетливый, крупный, который легко можно было бы разбирать для непривычнаго глаза и который уменьшилъ бы возможность ошибокъ въ словахъ при чтеніи, легко и часто допускаемыхъ простымъ народомъ. Конечно такія изданія будутъ стоять не дешево. Но для облегченія желающихъ приобрести такія книги можно издавать Евангелія, напр., каждое порознь; точно также можно поступать и съ другими книгами Священнаго Писанія. Равнымъ образомъ и службы церковныя могутъ издаваться небольшими выпусками; напр. литургія могутъ быть изданы каждая отдѣльно; затѣмъ въ отдѣльныхъ выпускахъ вечерня, утрени и т. д. Относительно всеобщаго сочувствія изданіямъ такого рода едва ли можно сомнѣваться.—Изданіе службъ различнымъ святымъ, надо думать, нашло бы себѣ широкое распространеніе, особенно если при каждомъ изданіи будутъ или приложены краткія свѣдѣнія о жизни того или другаго святаго, или просто перепечатаны «житія» святыхъ изъ Четивихъ-Миней на славянскомъ языкѣ, что будетъ еще лучше. Каждый простолюдинъ, да и не онъ только, пожелаетъ имѣть у себя службу если не всѣмъ наиболѣе чтимымъ святымъ,

то по крайней мѣрѣ своему покровителю, имя котораго онъ самъ носить. Равнымъ образомъ можно быть увѣреннымъ, что такія службы, какъ великопостныя, преимущественно первой и страстной седмицы, не останутся на рукахъ издателей, особенно если каждый выпускъ будетъ содержать службу только одного дня, слѣд. по цѣнѣ будетъ доступенъ каждому. Преимущественно указанныя двѣ недѣли посвящаются исполненію христіанскаго долга—исповѣди и приобщенію Святыхъ Таинъ, потому въ эти двѣ недѣли особенно возвышается религіозное чувство въ душѣ православнаго христіанина. Доступно изданныя службы на эти недѣли возвысили бы и подкрѣпили это чувство. Намъ кажется, что обстоятельствами такого рода нельзя пренебрегать.

Какъ бы однакожь ни были полезны такія изданія, все же сами по себѣ они не принесутъ той пользы, какой бы естественно ожидать отъ нихъ, если на помощь имъ не придетъ школа.—Въ настоящее время въ періодической печати уже много было говорено о томъ, что первоначальная школа должна давать религіозное воспитаніе. Признавая всю справедливость этого положенія и считая его безспорнымъ, мы не видимъ надобности и распространяться о немъ. Притомъ же въ послѣднее время учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ положено, надѣмся, прочное основаніе для религіознаго воспитанія.—Безспорно также, что естественнымъ и даже незамѣнимымъ наставникомъ такихъ школъ является священникъ. Вообще онъ по долгу своего служенія долженъ быть учителемъ вѣры и нравственности для паствы; но и тѣ, которые находятся въ школьномъ возрастѣ, также принадлежатъ къ его паствѣ; и они-то, именно въ силу своего возраста, должны быть предметомъ особенныхъ его пастырскихъ попеченій. «Жизнь человека», повторимъ мы прекрасное сравненіе, прочитанное нами на страницахъ «Чтеній въ Общ. Люб. Д. Пр.»—«это поле годовое; дѣтскіе годы—это начало весны. Мягкая земля, обильно орошенная дождемъ, согрѣтая солнцемъ, требуетъ добрыхъ сѣмянъ, чтобы сторицею вознаградить того, кто ее засѣялъ. Нива, весной не засѣянная добрыми сѣменами, къ осени непременно заростетъ сорными травами. Тоже должно быть и съ сердцемъ человѣческимъ». И въ немъ къ осени жизни человека могутъ вырасти сорныя травы,—различныя недостатки и пороки, влекушіе человека къ гибели, если въ дѣтскихъ годахъ не будутъ посѣяны въ сердцѣ его добрыя сѣмена—сѣмена евангельскаго религіознаго и нравственнаго ученія. Но кто же въ данномъ случаѣ можетъ быть лучшимъ сѣятелемъ добраго сѣмени, какъ не тотъ, кто съ одной стороны своимъ образованіемъ подготовленъ къ исполненію этой высокой обязанности, а съ другой—въ таинствѣ священства получилъ особые благодатныя дары къ возрожденію другихъ въ жизнь духовную и святую и къ воспитанію ихъ въ этой жизни—путемъ ли совершенія святыхъ таинствъ и службъ церковныхъ, или путемъ учительства; то и другое одинаково возложено на него апостольскимъ рукоположеніемъ. И учительство его должно осуществляться не только съ церковнаго амвона—при общественномъ богослуженіи, но и въ домахъ, гдѣ для него открыта частная жизнь пасомыхъ, гдѣ онъ проникаетъ съ словомъ назиданія, утѣшенія, совѣта, благословенія во всѣ малѣйшія отправления этой жизни; и не только здѣсь, но и въ школѣ, гдѣ онъ лучше и скорѣе всего можетъ прямо и рѣшительно воздѣйствовать на юныхъ питомцевъ, такъ какъ въ школѣ священникъ стоитъ въ самыхъ близкихъ и непосредственныхъ

отношеніяхъ съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми. Особенно это нужно сказать о современной русской народной школѣ, которая для питомцевъ своихъ еще нигдѣ пока не можетъ найти болѣе свѣдущаго и опытнаго наставника и руководителя, чѣмъ какимъ является священникъ—пастырь церкви. Все это, говоримъ, безспорно. Но вотъ въ чемъ, главнымъ образомъ, нужно убѣдиться: въ необходимости изученія въ школахъ—во всѣхъ, а преимущественно въ церковно-приходскихъ—литературнаго церковно-славянскаго языка.

Необходимость эта обуславливается многими и весьма важными причинами. На первомъ мѣстѣ, конечно нужно поставить то обстоятельство, что священныя книги Ветхаго и Новаго Завета даны намъ на славянскомъ языкѣ. Правда, что все Священное Писаніе есть у насъ теперь и на русскомъ языкѣ, въ переводѣ, изданномъ по благословенію Святѣйшаго Синода, слѣд. въ переводѣ авторитетномъ; правда и то, что въ славянскомъ текстѣ есть много неудобовразумительныхъ выраженій, есть такія мѣста, гдѣ не совсѣмъ правильно передается первоначальный текстъ, особенно еврейскій. Однакожь все это не можетъ служить достаточнымъ возраженіемъ противъ необходимости чтенія Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ. Какъ мы выше говорили—въ переводѣ, какъ бы онъ не былъ хорошъ, не могутъ быть вполне сохранены характеристическія особенности славянскаго языка,—его краткость, точность, выразительность, его благородный характеръ, его художественная красота; поэтому переводъ не можетъ производить и того дѣйствія на читателя и слушателя, какое производитъ славянскій текстъ.—Тѣмъ же менѣе мы же хотимъ отрицать и необходимости русскаго перевода. Онъ можетъ и долженъ служить вспомогательнымъ средствомъ при уразумѣніи смысла Писанія, особенно тамъ, гдѣ, какъ напр. въ книгахъ Ветхаго Завета, славянскій текстъ, слѣдуя греческому, не выдерживаетъ въ надлежащей степени текста еврейскаго. Что же касается неудобовразумительности и какъ бы неясности нѣкоторыхъ славянскихъ терминовъ и выраженій, то съ одной стороны и здѣсь оказываетъ помощь русскій переводъ, а съ другой и это обстоятельство говорить въ пользу необходимости изученія славянскаго языка.

Второю важною причиною, обуславливающею указанную необходимость, служитъ наше богослуженіе, всегда вездѣ управляемое на славянскомъ языкѣ. Наше богослуженіе изобилуетъ разнообразнѣйшими средствами религіознаго назиданія. Насколько оно богато величественными формами самаго глубокаго и живаго символизма, прекрасно и рельефно изображающими тайны нашей вѣры, настолько же оно богато трогательными и поучительными пѣснопѣніями, въ которыхъ въ словесной формѣ то ясно и опредѣленно выражаются глубочайшіе догматы богооткровенной религіи, то изливаются полнота набожнаго чувства, возбуждаемаго сознаниемъ непосредственной близости самаго Божества къ молящемуся обществу вѣрныхъ. Но это доступно только для того, кто съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, съ религіознымъ вдохновеніемъ и стремленіемъ къ удовлетворенію своей потребности находится въ общеніи съ Божествомъ, соединяетъ ясное, отчетливое пониманіе того, что совершается въ церкви во время богослуженія. Даже можно сказать религіозное чувство и стремленіе къ общенію съ Божествомъ возбуждается при богослуженіи и поддерживается именно этимъ пониманіемъ. Подъ условіемъ его душа скорѣе возносится къ небесамъ и созерцаетъ умомъ тѣ идеи, которыя выражаются въ видимыхъ

священнодѣйствіяхъ и сердце при слушаніи церковныхъ пѣснопѣній скорѣе переполняется тѣми ощущеніями, одно другого умиленіемъ и возвышеніемъ, которыми жила душа составителей этихъ пѣснопѣній; такія ощущенія поднимаются въ душѣ стройнымъ хоромъ только тогда, когда смыслъ этихъ пѣснопѣній не закрытъ отъ насъ незнакомыми намъ формами слововыраженія. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ и того вспомогательнаго средства, которымъ располагаемъ мы для уразумѣнія смысла Священнаго Писанія,—не имѣемъ перевода церковныхъ службъ на русскій языкъ. Да если бы онъ и былъ у насъ, всетаки мало принесъ бы практической пользы: вѣдь нельзя же слѣдить за богослуженіемъ съ переводомъ въ рукахъ. Тогда исчезнуть и тѣ слабыя проблески религіознаго чувства, которые возбуждаются въ сердцѣ человѣка при недостаточномъ пониманіи языка на которомъ совершается богослуженіе. И легче, и цѣлесообразнѣе будетъ изучать самый языкъ церковно-славянскій настолько, чтобы имѣть возможность вполне сознательно и отчетливо воспринять смыслъ церковныхъ пѣснопѣній.

Нельзя, далѣе, упускать изъ виду того значенія литературнаго церковно-славянскаго языка, какое онъ имѣетъ и вообще—какъ педагогическое средство, и въ частности—какъ средство для упроченія образованія нашего простаго народа. Въ этомъ отношеніи самаго серьезнаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе, высказанное извѣстнымъ педагогомъ г. Рачинскимъ. «Обязательное изученіе языка церковнославянскаго», говоритъ онъ, «особеннаго отъ отечественнаго цѣлымъ рядомъ синтаксическихъ и этимологическихъ формъ, а между тѣмъ столь къ нему близкаго, это изученіе его вполне доступно на первыхъ ступеняхъ грамотности, это такой педагогическій вкладъ, которымъ не обладаетъ ни одна школа въ мірѣ. Это изученіе, само по себѣ составляя превосходную умственную гимнастику, придаетъ жизнь и смыслъ языку русскому, придаетъ незыблемую прочность грамотности, приобретенной въ школѣ». То, что даетъ церковно-славянскому языку значеніе превосходной умственной гимнастики, и заключается именно въ его характеристическихъ свойствахъ и особенностяхъ, на которыя мы уже указывали. Его изящество, благородство, выразительность, краткость, точность, ясность, при той чуткости и восприимчивости, которыя такъ свойственны дѣтскому возрасту, будутъ имѣть громадное развивающее вліяніе на ребенка.—Далѣе, образованіе, обученіе можетъ быть прочно и приносить практическую пользу только тогда, когда оно не прекращается вмѣстѣ съ окончаніемъ курса въ школѣ, но продолжается—поддерживается и расширяется—и за предѣлами школы. Расширяться же и поддерживаться оно по выходѣ изъ школы можетъ только посредствомъ чтенія надлежащихъ книгъ. Тоже самое, конечно, нужно сказать и относительно нашего простаго народа. Но «по условіямъ нашего сельскаго быта», скажемъ мы словами того же г. Рачинскаго, «по бѣдности и малодоступности нашей свѣтской литературы для грамотнаго крестьянина не существуетъ иного постояннаго упражненія въ грамотности, кромѣ чтенія въ Богослуженіи. Свѣтскихъ книгъ, доступныхъ и полезныхъ крестьянину у насъ слишкомъ мало и попадаются онѣ ему рѣдко». А если попадаютъ, добавимъ мы, то большая часть, какъ можно сказать не рискуя впасть въ ошибку, далеко не можетъ имѣть воспитательнаго и образовательнаго значенія. Но чтобы сдѣлать возможнымъ для крестьянина то, что для него почти только и доступно и что ему безъ сомнѣнія нуж-

нѣ всего, необходимо научить его литературному церковно-славянскому языку. Въ этомъ наученіи ему не только дано будетъ средство сохранить хотя нѣкоторую часть изъ приобрѣтеннаго имъ въ школѣ, но, — и это важнѣе всего, — дано будетъ средство для развитія и укрѣпленія религіозно-нравственной жизни, которая въ послѣднее время значительно упала среди простаго народа.

Въ виду всего сказаннаго нами о свойствахъ и значеніи литературнаго церковно-славянскаго языка, о необходимости и важности изученія его, мы не можемъ не привѣтствовать самымъ искреннимъ образомъ мысли одного изъ іерарховъ Русской церкви, высказанной имъ на страницахъ «Новаго Времени» въ письмѣ, выдержки изъ котораго были уже приведены въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (см. № 11, стр. 119). Проектируемая этимъ іерархомъ церковно-приходскія школы, въ которыхъ изученіе церковно-славянскаго языка было бы поставлено на первомъ планѣ, не только были бы великимъ всенароднымъ памятникомъ съ нашей стороны своимъ перво учителямъ — Кириллу и Меѳодію, но и какъ нельзя болѣе удовлетворили бы насущной потребности нашего простаго, народа.

Сознаніе потребности въ изученіи церковно-славянскаго языка и въ наученіи ему другихъ и есть то назиданіе, которое мы должны извлечь изъ разсмотрѣнія свойствъ этого языка, значенія его и его литературы; изученіе языка есть урокъ за который мы должны приняться теперь, памятуя своихъ учителей. Раскрытіе сокровищъ литературы церковно-славянскаго языка для нашихъ меньшихъ братій — младенцевъ по вѣрѣ въ цѣляхъ назиданія и укрѣпленія ихъ въ ней, возвышенія ихъ религіозно-нравственной жизни, есть завѣтъ, оставленный намъ приснопамятными Кирилломъ и Меѳодіемъ въ ихъ жизни и дѣлахъ.

А. В.

СУДЬБЫ СЛАВЯНСКАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ НА ЗАПАДѢ.

На Западѣ дѣло свв. Кирилла и Меѳодія ни въ одной своей части не подвергалось столькимъ преслѣдованіямъ, часто довольно систематичнымъ, какъ со стороны славянскаго богослуженія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи папы, какъ бы предварительно условившись съ нѣмецкимъ духовенствомъ, энергично и настойчиво преслѣдуютъ дѣло свв. апостоловъ славянства, стараясь отнять у славянъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ. Но прискорбиѣе всего то, что и самъ западно-славянскій народъ въ лицѣ своихъ королей подавалъ иногда руку помощи антиславянскаго лигѣ для уничтоженія этого великаго и святаго дѣла. Достаточно въ этомъ случаѣ вспомнить отношеніе Святополка Моравскаго къ дѣлу св. апостоловъ славянъ и къ ихъ ученикамъ. Мы вспоминаемъ все это не съ цѣлью упрека нашимъ западнымъ братьямъ, не съ цѣлью влить горечь въ ихъ праздничное настроеніе, мы только указываемъ на тѣ печальные факты исторіи, которые невольно возникаютъ въ нашемъ умѣ съ представленіемъ праздника тысячелѣтней годовщины нашего общаго учителя св. Меѳодія.

Въ первый разъ, кажется, официально запрещенію славянское богослуженіе подверглось въ Иллиріи. Введенію славянскаго богослуженія въ Иллирію способствовали слѣдующія два обстоятельства: первое, восшествіе на императорскій престолъ Василія Македонянина (867 г.). По происхожденію славянинъ, этотъ императоръ употреблялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы вырвать своихъ соотечественниковъ изъ-подъ

верховой власти папъ и нѣмецкаго духовенства (Const. Porphyg., de Adm. imp., С. XXX). Онъ легко успѣлъ въ этомъ безъ всякаго сопротивленія со стороны Іоанна VIII. Второе событіе — это проповѣдь свв. Кирилла и Меѳодія. Во время своихъ путешествій они посѣтили берега Адриатическаго моря, поздиѣ же ихъ ученики, изгнанные изъ Моравіи, среди другихъ славянскихъ земель нашли себѣ пріютъ и въ землѣ кроатовъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ Кирилловское богослуженіе пришло въ Иллирію и нашло для себя добрую почву. Латинское духовенство, какъ слѣдуетъ ожидать, не разъ протестовало противъ славянскаго богослуженія и подавало жалобы папѣ. Папа Іоаннъ X (914—928) внялъ мольбамъ. Въ 925 г. онъ отправилъ два письма: одно въ провинцію Спалатрской церкви, въ которомъ говорить.

«До насъ дошелъ слухъ, что въ предѣлахъ вашей провинціи распространяется ученіе, не встрѣчающееся въ Св. Писаніи, и что вы своимъ молчаніемъ даете на то свое согласіе, о чемъ мы искренно скорбимъ. Недостойно вѣрно поклоняющихся Христу и надѣющихся своими дѣлами заслужить царство небесное, пренебрегать ученіемъ Евангелія и слѣдовать ученію Меѳодія, имя котораго мы не встрѣчаемъ въ числѣ св. Отцевъ. Мы увѣщаемъ васъ совершать божественныя службы въ славянской землѣ по обряду римской церкви, то есть, на латинскомъ языкѣ, а не на какомъ-либо иномъ» (В. А. Бильбасовъ. Кириллъ и Меѳодій, стр. 103).

Другое письмо было отправлено къ Томиславу, королю Кроаціи, въ которомъ папа съ такимъ вопросомъ обращается къ королю:

«Какой же столь любезный сынъ св. римской церкви, какъ вы, согласится совершать божественныя службы на варварскомъ, то есть славянскомъ языкѣ?» (ibidem).

Въ томъ же году мѣстный Спалатрскій соборъ запретилъ рукополагать въ санъ священника — славянина. При папѣ Александрѣ II (1061—73) преслѣдованіе славянскаго богослуженія въ имперіи возобновляется, но уже въ болѣе рѣзкой формѣ. Мѣстный Спалатрскій соборъ, бывшій при папѣ Александрѣ II, повторивъ постановленія собора 925 года прибавляетъ: «Dicebant enim gothicas litteras a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multam contra catholicae fidei normam in eadem sclavonica lingua mentiendi conscripsit (Ginz., Cod., p. 89)».

Но великая, истинная идея, къ счастью человечества, не можетъ быть совершенно уничтожена. Не пропали и труды славянскихъ первоучителей. Славянское богослуженіе выдержало борьбу съ своими врагами и послѣ долгихъ усилій одержало верхъ. Папа Иннокентій III по просьбѣ епископа Цингскаго пожелалъ упорядочить дѣло славянскаго богослуженія. Въ письмѣ отъ 19 марта 1248 г. онъ разрѣшаетъ славянское богослуженіе, но только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ оно существовало раньше и съ тѣмъ непрѣмнымъ условіемъ, чтобы переводы священныхъ книгъ на славянскій языкъ были во всемъ согласны съ оригиналами.

Въ Богеміи запрещеніе славянскаго богослуженія папы проводили еще съ большею настойчивостію, чѣмъ въ Иллиріи. Въ 973 году папа Іоаннъ VIII по просьбѣ короля Болеслава основалъ епископство Пражское, но съ тѣмъ главнымъ условіемъ, что «богослуженіе должно быть совершаемо не по обряду или сектѣ народовъ болгарскаго или русскаго и не на славянскомъ языкѣ, но учреждаемое епископство должно во всемъ слѣдовать учрежденіямъ и постановленіямъ апостольскаго престола, и ради удовольствія всей римской церкви, избирать

духовныхъ лицъ изъ особенно свѣдующихъ въ латинскомъ языкѣ». (ibidem, стр. 104).

Въ началѣ XI столѣтія славянское богослуженіе въ Богеміи ярко блеснуло, но этотъ блескъ былъ непродолжителенъ и скоро померкъ подъ вліяніемъ папскихъ требованій... Въ царствованіе короля Олдриха въ окрестностяхъ Праги жилъ отшельникъ Проконій. Король однажды охотясь встрѣтилъ святаго чловѣка, взялъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ духовнымъ отцомъ (Sinzel. Cod., p. 80). Въ 1032 г., на берегу рѣки Сазавы Проконій началъ и окончилъ 1039 г., благодаря щедрости новаго короля Бретислава, монастырь, котораго сдѣлался настоятелемъ. Въ монастырѣ Проконія нашло себѣ пріютъ, хотя не надолго, славянское богослуженіе въ духѣ православно-восточномъ *). Но со смертію Проконія начало быстро падать и его святое дѣло. Проконію въ санѣ настоятеля монастыря наслѣдовалъ его племянникъ Витъ, а Бретиславу — Спитигнивъ, который ничего такъ не боялся, какъ скромпрометировать себя предъ папой. Латинскій клиръ обвинилъ монаховъ въ ереси и послѣдніе, не находя поддержки со стороны короля удалились въ Венгрію.

Послѣ Спитигнива вступилъ на престолъ Вратиславъ; послѣдній воротилъ Вита съ другими монахами и славянское богослуженіе снова раздалось подъ сводами Сазавскаго монастыря, оно продолжалось и при пріемникѣ Вита Емеранѣ. Но чтобы болѣе упрочить дѣло славянскаго богослуженія въ Богеміи, Вратиславъ испросилъ позволеніе у папы. Папа Григорій VII отвѣчалъ Вратиславу:

«Что же касается твоей просьбы о дозволеніи совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, то знай, что никоимъ образомъ не можемъ бытьнисходительны къ подобной просьбѣ». (ibidem).

Вратиславъ не обратилъ вниманія на запрещеніе папы и славянское богослуженіе продолжало существовать въ монастырѣ Проконія. По смерти Емерана, благодаря происканью латинскаго клира, мѣсто настоятеля было отдано латинскому священнику Дитгарду; онъ приказалъ уничтожить славянскія книги и замѣнить ихъ латинскими...

Два съ половиною столѣтія протекло послѣ этого и о славянскомъ богослуженіи повидимому совершенно забыли въ Богеміи, когда управление Богеміею перешло въ руки Карла IV, короля изъ дома Люксембургскаго. Нѣмецъ по отцу и чехъ по матери, Карлъ IV былъ защитникомъ славянской національности. Онъ испросилъ у папы Климента позволеніе основать монастырь, въ которомъ совершалось бы богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Папа далъ разрѣшеніе на основаніе только одного такого монастыря (Sinzel, Cod., p. 94 et sq.).

Карлъ IV основалъ въ 1347 году монастырь «Эммаусъ», въ которомъ богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Во время гусситскихъ войнъ этотъ монастырь подвергся сильному опустошенію; однако въ 1584 г., по свидѣтельству одного современника, въ немъ были еще монахи славяне, но уже въ 1593 г. монаховъ славянъ не находятъ въ «Эммаусѣ».

Можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ тѣхъ преслѣдованій, которыя папы воздвигали противъ славянскаго богослуженія, но связаннаго достаточно, чтобы въ виду настоящаго празднованія 6 апрѣля напомнить о характерѣ отно-

*) Шафарикъ и Гофлеръ обнародовали въ 1857 г. глаголитскія рукописи Сазавскаго монастыря, которыя доказываютъ, что лютургія, введенная Проконіемъ была греко-славянская.

шеній папства къ православно-славянскому дѣлу св. братьевъ... Мы желаемъ одного, чтобы эти отношенія послужили для нашихъ западныхъ братьевъ вразумительнымъ указаніемъ, что не съ папствомъ они должны соединять свои праздничныя чувства, а съ православнымъ славянствомъ свято сохраняющимъ дѣло нашихъ общихъ св. первоучителей.

А. Дородницынъ.

ВОПРОСЪ О ЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЧЕСТВОВАНІЕМЪ ПАМЯТИ СВВ. КИРИЛЛА И МЕОДИЯ.

Въ то время, какъ въ средѣ православныхъ и католиковъ славянъ близались уже къ концу дѣятельнаго преговоренія къ возможно торжественному празднованію тысячелѣтія св. Апостоловъ славянскихъ, въ то время какъ между почитателями этихъ вѣчной памяти достойныхъ св. мужей православными и католиками открыто обнаружилось соревнованіе въ доказательствахъ преданности дѣлу первоучителей славянскихъ,—въ это время появляется въ одной изъ московскихъ газетъ статья нѣкоего Варсонофія Максимова, рѣзко заявляющая православнымъ русскимъ, что они не имѣютъ права участвовать въ этомъ славянско-церковномъ торжествѣ. «День св. Меодія — заявляетъ г. Максимовъ — долженъ быть для насъ днемъ скорби и печали по невозвратно потерянномъ единствѣ (церквей)... Этотъ день будетъ для русскаго общества прежде всего днемъ лицемѣрія»¹⁾.

Итакъ, по призыву г. Максимова, будетъ плакать православная Русь въ тотъ день (6 апрѣля), въ который Сербы, Хорваты, Поляки, Болгары, Словаки и проч. будутъ наслаждаться духовною радостью въ честь нашего Святаго.

Что за странность! Какимъ это путемъ г. Максимовъ дошелъ до мысли приглашать русскихъ людей къ сѣтованію, когда они уже совсѣмъ порѣшили идти на праздникъ?

Но не своевременности такого оригинальнаго заявленія, можно было бы почестъ его, за проявленіе довольно обычной слабости русскаго чловѣка, начинающаго ни съ того ни съ сего плакать, когда окружающіе поютъ и веселятся, или падѣвающаго также нестати шутовской колпакъ въ минуты печали и серьезнаго настроенія, и — оставить его безъ вниманія. Но энергія и рѣзкость тона, какимъ ведетъ свою рѣчь г. Максимовъ съ одной стороны, и та солидная подкладка, какую онъ даетъ своему заявленію съ другой — ясно обнаруживаютъ въ авторѣ полную искренность чувства и извѣстную долю рациональности этого чувства.

Эта подкладка — вопросъ о мирѣ и единеніи церквей: г. Максимовъ обвиняетъ православныхъ русскихъ ни болѣе ни менѣе какъ въ томъ, что они главные виновники того разединенія частныхъ православныхъ церквей Константинопольской и южно-славянскихъ, какое въ настоящее время особенно обострилось.

По мнѣнію г. Максимова, православная русская церковь вмѣсто празднованія должна скорбѣть за то, что не явила полной солидарности съ Константинопольскою въ отношеніяхъ послѣдней къ Болгарской церкви, а въ самое послѣднее время къ сербской повозсозданной іерархіи, за то что вообще не только не содѣйствуетъ утвержденію Константинопольской церковной юрисдикціи въ церквахъ славянскихъ, но и стремится какъ будто за одно съ послѣдними противодѣй-

1) Голосъ Москвы, № 73.

ствовать упроченію ея вліянія, за то, наконецъ, что вмѣсто истины церковнаго просвѣщенія поддерживаетъ «чуждыя, враждебныя ему идеи націонализма, мірскаго всевластія, безбожной цивилизаціи». «Въ виду оскуднѣнія и унадка трехъ Восточныхъ патріархатовъ — гов. г. Максимовъ — въ виду преобладанія національныхъ и государственныхъ — вообще мірскихъ началъ въ русской церкви, царградскій престолъ оставался единственнымъ церковнымъ средоточіемъ на Востока. И вотъ мы *всячески стараемся отнять* (!) у него это значеніе, во чтобы то ни стало втѣснить его въ границы одной греческой національности».

Серьезны и тяжки обвиненія г. Максимова; тяжеловѣсна рѣчь его въ обличеніе русской церкви; но коль скоро все это сводится къ тому, чтобы доказать русскому обществу, что именно день св. Меѳодія для него не можетъ быть днемъ искренняго торжества — всѣ эти обвиненія, вся эта рѣчь со-всѣмъ теряютъ свою силу. Ибо вся мысль статьи г. Максимова исчерпывается однимъ положеніемъ: мы не можемъ праздновать день св. Меѳодія, потому что дѣла Константинопольской церкви плохи. Странное требованіе! «Византиецъ, Апостолъ славянъ, ставленникъ римскаго папы» — такъ называетъ св. Меѳодія г. Максимовъ — дорогъ для насъ, русскихъ, тѣмъ, что создалъ для насъ могущественное орудіе нашей христіански-народной цивилизаціи — славянскую письменность. Ни одинъ изъ народовъ, составляющихъ семью славянъ не воспользовался такъ плодотворно трудами первоучителей славянскихъ, какъ русский народъ. Цѣлыя столѣтія этотъ народъ писалъ и говорилъ ихъ рѣчью; цѣлыя столѣтія онъ собиралъ въ свои книгохранилища эту славянскую литературу, по ней образовывалъ и воспитывалъ свои литературно-творческія силы, произвелъ на свѣтъ множество самостоятельныхъ произведеній на языкѣ своихъ первоучителей. Вслѣдствіе этого вѣковаго пользованія даромъ своихъ первоучителей, славянская рѣчь стала плотью для нашего религіознаго сознанія и чувства и остается ею до сего дня. Доселѣ наше религіозное чувство, наше сознаніе религіозной истины не можетъ найти для себя болѣе легкой и естественной формы въ словѣ, чѣмъ какою даетъ рѣчь св. Апостоловъ славянскихъ. Мы въ настоящее время также легко понимаемъ языкъ ихъ, какъ легко понимали его ихъ современники — славянскіе ученики.

Кто же послѣ этого болѣе насъ имѣетъ права торжествовать юбилей славянскихъ первоучителей, и на комъ, какъ не на насъ ляжетъ пятно самой черной неблагодарности въ своимъ учителямъ, если мы уклонимся отъ праздника, повинувшись голосу г. Максимова?!

Разстройство дѣлъ и мира церковнаго на Востока, все болѣе и болѣе падающее *внѣшнее* значеніе Константинопольскаго патріарха въ средѣ славянскихъ церквей, конечно, — явленія, въ высшей степени печальныя. И они дѣйствительно — старая печаль наша, русская: ею мы болѣли и болѣемъ едва не съ самаго паденія политическаго Константинополя. И греки, по совѣсти, не могутъ обличить насъ въ несочувствіи къ себѣ. Правда, что мы мало собственною кровью содѣйствовали возстановленію ихъ политической самостоятельности, но едва ли меньше, чѣмъ сколько можетъ содѣйствовать въ этомъ отношеніи одинъ народъ другому, не нарушая требованій международнаго права. Что же касается *церковныхъ* нашихъ отношеній, то наша вѣрность, наше сыновнее къ нимъ почтеніе доходили весьма нерѣдко до пожертвованій

своими самыми естественными симпатіями. Развѣ наша національная близость и любовь къ обновленной Болгаріи не принесена въ жертву уваженія церковному авторитету Константинопольскаго патріарха? Самъ г. Максимовъ утверждаетъ это въ своей обвинительной противъ насъ рѣчи: «когда лѣтъ пять тому назадъ — свидѣтельствуемъ онъ — болгарскіе епископы пріѣзжали въ Россію, они *не были допущены* къ священнослуженію въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Не будутъ они допущены *и у себя дома* къ освященію Шипкинскаго храма, сооружаемаго въ память погибшихъ за освобожденіе Болгаріи: *Болгары не могутъ молиться вмѣстѣ съ русскими на могилахъ своихъ русскихъ освободителей* (sic!). Болгарскую церковь — это наше незаконное порожденіе (неужели это языкъ христіанина, ратующаго за единеніе церквей?) мы не смѣемъ признать, *хотя и любимъ ее*».

Какого же еще доказательства церковной вѣрности Константинопольскому патріарху домогается г. Максимовъ отъ русской церкви, отъ русскаго православнаго народа? Изъ уваженія къ авторитету Константинопольской церкви мы отказываемъ въ церковномъ общеніи тѣмъ кого мы любимъ, потому только, что она имъ отказала въ этомъ общеніи. Неужели этого мало? Неужели мы должны отказаться и отъ «покровительства Болгарамъ на почвѣ политической» (выраженіе г. Максимова), и начать заботиться о порабощеніи ихъ Турціи и тѣмъ возвратитъ ихъ подъ юрисдикцію Константинопольскаго патріарха? ¹⁾ Но вѣдь это и несправедливо, и не гуманно, и тѣмъ болѣе не братолюбиво-христіански.

Отсюда слѣдуетъ, что если мы и виновны въ чемъ предъ церковію восточною и югославянскими, то развѣ въ томъ, что мы были доселѣ не достаточно активны своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла этихъ церквей; но намъ отнюдь нельзя отказать въ томъ, что мы терпѣли и доселѣ терпимъ скорбь о послѣдствіяхъ разстройства добрыхъ отношеній и мира между церквями. Мы сострадали и сострадаемъ Матери нашей, Константинопольской церкви, и въ за ея невзгодъ несемъ также невзгоды.

Но, послѣдуя за ходомъ рѣчи г. Максимова, мы обращаемся опять къ вопросу: какимъ же образомъ эта наша вина предъ Константинопольскою церковью должна побудить насъ уйдти отъ праздника св. Меѳодія и наоборотъ — наше празднованіе ему явить насъ предъ нею лицомъ? Не было ли бы напротивъ явнымъ съ нашей стороны заявленіемъ недоброжелательства къ Константинопольской церкви, если бы мы отказались торжественно чтить день св. Меѳодія, по духу истиннаго Апостола и по происхожденію — грека? И напротивъ, наше свободное желаніе, наша искренняя готовность какъ можно торжественнѣе отпраздновать этотъ день — не служить ли явнымъ выраженіемъ того, что мы искренно желаемъ церковнаго единенія съ тѣми кто не стыдится снизоити, по примѣру славянскаго Апостола — грека, до истинно братской любви къ писней по національному развитію братіи своей, что и мы сами способны возвыситься до участія и сорадованія въ духовныхъ и истинно христіанскихъ побѣдныхъ торжествахъ нашихъ старѣйшихъ братій.

¹⁾ Въ силу особой привилегіи Турецкаго правительства, Константинопольскій патріархъ почитается представителемъ всѣхъ христіанскихъ подданныхъ Турецкой имперіи и слѣдов., поступленіе христіанина въ подданство Турціи eo ipso есть и поступленіе подъ юрисдикцію Константинопольскаго патріарха.

Конечно, радость настоящего нашего праздника въ известной мѣрѣ — оравлена настоящимъ положеніемъ церковныхъ дѣлъ у нашихъ старшихъ по вѣрѣ братій, и нельзя, конечно, отрицать, что грустная нота, затронутая г. Максимовымъ должна звучать и среди нашего праздничнаго ликования. Тамъ на Югѣ Европы православная церковь «раздѣлена, ослаблена, унижена и поругана». Мы единовѣрцы, конечно, не можемъ быть равнодушны къ этому раздѣленію и поруганію нашихъ братьевъ, и если хотимъ истинно и искренне почтить память своихъ первоучителей, необходимо должны подвигнуться святою ревностью о христіанскомъ благѣ тѣхъ народовъ, изъ среды коихъ вышли они и откуда мы вѣкогда заимствовали свѣтъ Христовой вѣры, мира и любви. Мы должны утвердиться на мысли, что забота о мирѣ и единеніи раздѣленныхъ частей Православной церкви въ настоящее время стала существенною задачею русской церкви, или лучше сказать, что къ историческимъ задачамъ, Провидѣніемъ назначеннымъ для Русской церкви должна отнынѣ быть причислена и дѣятельно осуществляема и эта. Если доселѣ Русская церковь устремляла свое духовно просвѣтительное вліяніе на полудикіе народы далекаго сѣвера Европы и Азии, то теперь поле ея дѣятельности должно расшириться присоединеніемъ дѣятельной помощи въ духѣ мира и любви старѣйшимъ, но ослабленнымъ и унижаемымъ братьямъ.

Чувство духовной признательности къ своимъ просвѣтителямъ въ день ихъ торжества и въ тоже время въ день сознанія своей духовной силы и крѣпости должно внушить Русской Церкви сознаніе великой заповѣди Христа, обращенной къ Апостолу, явившемуся крѣпчайшимъ прочихъ: *и ты никогда обращай утверди братію твою.*

Н. Заозерскій.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Изданія С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества ко дню тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія (6 апрѣля 1885 года): «Святые Кирилл и Меодій, апостолы славянскіе». «Жизнь и подвиги святыхъ Кирилла и Меодія, просвѣтителей Славянъ».

Сочувственное отношеніе нашего общества къ тысячелѣтнему чествованію святыхъ Кирилла и Меодія выразилось, между прочимъ, въ появленіи значительнаго количества вѣнокъ и листовъ посвященныхъ памяти этихъ славянскихъ просвѣтителей. И отдѣльныя лица, и цѣлыя учрежденія («Народная Библиотека», «Общество распространенія полезныхъ книгъ», «Отдѣлъ Общества распространенія духовно-правственныхъ книгъ») озаботились изданіемъ ихъ для распространенія въ народѣ. Неодинаковыя по объему своего содержанія, эти книжки въ одинаковой степени полезны, какъ чтеніе общедоступное. Но вѣнцомъ ихъ всѣхъ, безспорно, должны быть признаны книги, изданныя С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ. Будемъ ли мы ихъ разсматривать безотлагательно, или—въ сравненіи съ другими, подобными имъ, книжными, (напр. г. Некрасова, арх. Черниговскаго Филарета, г. Горожанскаго и др.),—онѣ стоятъ совершенно особнякомъ, выдѣляясь своими особенными достоинствами. Таковы книги: «Святые Кирилл и Меодій, апостолы славянскіе», «Жизнь и подвиги святыхъ Кирилла и Меодія, просвѣтителей славянъ» и «Краткое сказаніе о жизни и подвигахъ святыхъ Кирилла и Меодія».

Первая изъ нихъ отличается двумя главными достоинствами:

полнотою разсказа и необыкновенною простотою своего изложенія.

Въ нее вошли не только всѣ историческія свѣдѣнія о жизни святыхъ славянскихъ просвѣтителей, но и данныя, характеризующія тогдашнія славянскія племена и государства и ихъ правителей; на ряду съ біографическими, болѣе или менѣе крупными, фактами изъ жизни свв. братьевъ здѣсь можно встрѣтить мелкія, незначительныя подробности великихъ ихъ подвиговъ. Таковы, напр. пренія св. Кирилла съ Сарацинами, подробности проповѣди его среди Козаръ и др. славянскихъ народовъ. Всѣ онѣ, эти и подобныя подробности, направлены въ дашой книгѣ къ одной цѣли—обнаруженію великихъ заслугъ и личныхъ качествъ свв. Первоучителей. Возьмемъ, для примѣра, случай изъ споровъ св. Кирилла съ Сарацинами. «Въ ту пору, говоритъ разсказъ, въ городѣ сарацинскомъ жили многіе христіане, да только у невѣрныхъ они были въ большомъ униженіи: Сарацины у нихъ у всѣхъ на воротахъ написали дьявольскія изображенія, чтобъ явно было, какъ они христіанами гнушаются, все равно, что нечистыми дьяволами».

«Когда Кириллъ пришелъ въ этотъ городъ, невѣрные показали ему, что на христіанскихъ домахъ нарисовано, и спросили его: «Понимаешь ли ты это знаменіе?» А онъ имъ отвѣтилъ: «Понимаю я, что здѣсь живутъ праведные люди, и дьяволы къ нимъ войти не могутъ и остаются снаружи; а гдѣ ихъ не видно, тамъ, стало быть, они въ домѣ живутъ, вмѣстѣ съ хозяевами». (стр. 6). Такъ былъ находчивъ и образованъ св. Кириллъ; такъ глубоко—серьезенъ онъ былъ въ отношеніи къ дѣлу своей проповѣди, почерпая въ ней самой силу и убѣдительность для своей рѣчи? Разсматриваемая книга представляетъ цѣлый рядъ примѣровъ, подтверждающихъ эту истину. (См. напр. стр. 7, 8, 10, 11, 23 и др.).

Къ числу такихъ же подробностей, сообщающихъ полноту и вмѣстѣ красоту и интересъ разсказу, должны быть отнесены также и чудесныя событія изъ жизни Кирилла и Меодія. Таковы: отравленіе св. Кирилла сарацинами (безвредное), превращеніе горько-соленой воды въ годную для питья (на пути отъ Козаръ въ Царьградъ), нападеніе Угровъ и др. Авторъ не пренебрегаетъ ими, и хорошо дѣлаетъ; потому что ничто такъ не можетъ расположить нашего простолюдина къ известному лицу, какъ видимое благоволеніе къ нему Промысла Божія. Святость Кирилла и Меодія чрезъ эти чудеса становится для него (простолюдина) очевидною, наглядною; они, такимъ образомъ, увеличиваетъ въ немъ благоговѣнно-благодарную память о нихъ. Приведемъ, для доказательства, свѣдѣнія объ одномъ изъ такихъ чудесъ.

Свв. Кириллъ и Меодій отправляются для проповѣди къ Козарамъ. «Легалъ имъ путь по степямъ; а въ степяхъ жили въ то время Угры,—теперь ихъ называютъ Венгерцами, тоже—Мадьярами. Были эти Угры до того страшны, что и на людей непохожи: вмѣсто одежды носили звѣриныя шкуры мѣхомъ вверхъ. И жили по звѣрному: хлѣба не сѣяли, не работали ничего, только разбойничали. Не было отъ нихъ никому проходу, ни проѣзду».

«Вотъ Кириллъ и Меодій шли и сдѣлали привалъ въ самый полдень; Кириллъ началъ молиться Богу. Вдругъ, словно вихорь налетѣлъ, набѣжали со стелы Угры; воютъ какъ волки,—говорятъ ли по своему, или пѣсню поютъ,—подступаютъ къ Кирилу съ оружіемъ, убить его грозятся. А Кириллъ не устранился, даже головы къ нимъ не повернулъ,—все стоялъ и читалъ: «Господи помилуй».

«И усмирились Угры: остановились все кругомъ Кирилла и слушали. Когда же онъ кончилъ молиться, стали кланяться ему до земли. И пропустили его и брата его Меѳодія безъ всякой обиды; еще и дорогу показали» (стр. 9).

На основаніи этого (и приведеннаго выше) отрывка, мы можемъ составить себѣ понятіе и о достоинствахъ языка, которымъ написана вся книга. Необыкновенная простота, сжатость и сила оборотовъ, близость къ разговорной рѣчи и въ то же время — плавность и легкость — суть отличительныя его свойства. Здѣсь слышна не книжная, а чисто-живая рѣчь нашего простолюдина, рассказывающаго о дѣлалъ, совершавшихся тысячу лѣтъ тому назадъ. Это уже одно дѣлаетъ всю книгу песомѣнно — интересною. Но болѣе всего, въ ней діалогической формы рѣчи. Почти нѣтъ случая, который бы здѣсь приводился въ чистой повѣствовательной формѣ. Вездѣ, въ каждомъ событіи, мы видимъ лицъ *говорящихъ*; все они дѣйствуютъ, какъ живыя. Скучный, монотонный разговоръ и разсужденія, такимъ образомъ, здѣсь какъ бы изгоняются: на мѣсто ихъ вводятся разговоръ и бесѣда. Такъ, напр. даже просьба Меѳодія къ папѣ Адриану о дозволеніи перевести тѣло умершаго въ Римѣ (14 февраля 869 г.) св. Кирилла въ Царьградъ, — и этотъ незначительный случай передается въ наглядно-живой рѣчи діалога. «Пришелъ, рассказываетъ авторъ, Меѳодій къ папѣ Адриану, плачетъ — говоритъ: «Братъ мой умеръ; позволь мнѣ, отче, взять его тѣло. Когда наша мать насъ отпустила, то заповѣдала намъ: если одинъ умретъ, долженъ другой везти его на родину хоронить». Папа далъ согласіе... Вдругъ пришли къ папѣ римскіе епископы и сказали ему: «Мы Кирилла тѣла не отпустимъ. Богъ намъ этого праведника привелъ и отъ насъ его взял; пусть его прахъ съ нашими угодишками почіетъ». Адрианъ отвѣтилъ на это епископамъ: «Если вы такъ уважаете Кирилла, то я, ради его святости, преступлю римскіе обычаи, погребу его во храмѣ святаго Петра, гдѣ патріарховъ лишь римскихъ погребаютъ».

Когда объ этомъ рѣшеніи узналъ Меѳодій, то онъ пришелъ на совѣтъ папы и епископовъ и сказалъ имъ... и т. д. (стр. 25—26).

Изъ такихъ эпизодовъ состоитъ вся книга. Она вся — жизнь, дѣйствіе; а потому каждая страница ея привлекаетъ къ себѣ интересъ и вниманіе читателя, сосредоточивая его мысль на великости и святости подвиговъ прославленныхъ Богомъ и людьми великихъ и святыхъ славянскихъ первоучителей.

Не меньшими достоинствами отличается и вторая книга: «Жизнь и подвиги святыхъ Кирилла и Меѳодія». Предупредивъ читателя о причинахъ, которыя побуждаютъ насъ «къ торжественному празднованію памяти святыхъ равно-апостольныхъ просвѣтителей славянъ», авторъ ея начинаетъ свой разсказъ о «жизни и подвигахъ ихъ». Параллельно съ этимъ, онъ сообщаетъ краткія историческія свѣдѣнія о славянахъ и ихъ религіозно-правственномъ состояніи до Кирилла и Меѳодія, также — о тщетныхъ попыткахъ латинянъ насадить между ними христіанство, о рѣшимости моравянъ принять его отъ грековъ, и за тѣмъ переходитъ къ жизнеописанію свв. братьевъ. Охарактеризовавъ воспитаніе и направленіе Кирилла и его первые апостольскіе подвиги (аренія съ Анніемъ — иконоборцемъ и мусульманами) онъ излагаетъ исторію просвѣтительныхъ трудовъ Кирилла и Меѳодія, начиная ее съ обращенія Хозаръ и кончая трудами, борьбою и смертію св. Меѳодія на мораво-паннонско-архіепископствѣ. Страницы этого описанія

полны *трогательною* изображеніемъ великихъ подвиговъ, несенныхъ свв. братьями. Глубокую любовь и благодарность вызываютъ въ душѣ читателя ихъ неутомимая ревность къ славянскому народу и его просвѣщенію, ихъ полное самоотверженіе трудолюбіе ради св. Христовой истины; и дѣлается совершенно яснымъ и понятнымъ, почему Русская земля такъ единодушно собралась и приготовилась «честно и свѣтло праздновать *близкій* день 6 апрѣля». Эта трогательность, сердечность изложенія, гармонирующая съ внутренними мотивами славянскихъ просвѣтителей, составляетъ неотъемлемую — отличительную особенность всей данной книги. Она видна въ каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ разсказа, и съ этой стороны ей должно отдать предпочтеніе предъ первой книгой. Особенно ярко скмнатіи автора къ славянскимъ просвѣтителямъ выступаютъ тамъ, гдѣ онъ описываетъ ихъ кончину. — Въ отношеніи къ нашему простому народу, это, — столь отвѣчающее его доброй душевной настроенности, — чтеніе ничѣмъ не можетъ быть замѣнено. Оно, — это можно предсказать, — пробудитъ въ немъ сознаніе важности совершенныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ подвиговъ, а съ этимъ — и любовь къ самымъ подвижникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хоть, чтобы видѣть это такой незначительный случай, какъ приглашеніе Константинопольскаго императора Василія, сдѣланное св. Меѳодію. «Человѣкъ Божій!» писалъ императоръ Василій, — «весьма желаю видѣть тебя. Сотвори доброе дѣло; подрудись придти къ намъ, чтобы я еще разъ увидѣлъ тебя и принялъ твою молитву». Или еще: — прочитаемъ объ избраніи Меѳодіемъ себѣ преемника. «Кого избираешь ты, отецъ и учитель нашъ, настояльникомъ твоей каѳедры по тебѣ и продолжателемъ твоего ученія? (спрашивали ученики). Св. Меѳодій указалъ на Горазда. «Гораздъ, сказалъ св. Меѳодій, — мораванинъ. Онъ проповѣдникъ и хорошо знаетъ латинскія книги. Буди надъ нимъ воля Божія и ваша любовь съ нимъ, какъ и моя!» (26—27 стр.).

Эти и подобныя имъ строки наглядно обрисовываютъ, что за подвижники были свв. братья, и какимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ окружали ихъ знавшіе ихъ люди, и, какъ, по ихъ примѣру, должны чтить ихъ память и мы. Въ этомъ святомъ долѣ — горячія чувства автора къ свв. Кириллу и Меѳодію самое существенное наше пособіе.

Что касается до научныхъ достоинствъ, то объ нихъ много говорить здѣсь было бы неумѣстно. Нельзя много требовать отъ книгъ съ такимъ объемомъ и съ такимъ назначеніемъ, какъ разсматриваемыя. Среди такихъ условій, весьма важно и то, что первая изъ нихъ составлена по заслуживающему довѣртію источнику (Паннонскія житія), а вторая — стремится связать сообщаемыя историческія свѣдѣнія и разъясняетъ ихъ. При всей произвольности такихъ объясненій, ихъ необоснованности, онѣ только усиливаютъ живость разсказа и потому заслуживаютъ полнаго одобренія.

«Краткое сказаніе о жизни и подвигахъ святыхъ Кирилла и Меѳодія» — послѣдняя книжка, изданная Славянскимъ благотворительнымъ Обществомъ по времени раньше другихъ. Она написана на славянскомъ языкѣ, и состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: собственно «краткаго сказанія о житіи святыхъ Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянскихъ», «предсмертной молитвы святаго Кирилла Философа» и «предсмертнаго наставленія наствѣ святаго Меѳодія, архіепископа Моравскаго». Въ общемъ это сказаніе представляетъ собою одинъ извлеченіе. Онѣ сдѣланы частію изъ «Паннонскаго житія св. Кирилла» и изъ «житія св. Климента, епископа Бол-

гаровъ, ученика св. Кирилла и Меодія». — Не будемъ говорить о немъ со стороны его содержания и языка. Довольно замѣтить, что, въ виду цѣлей Славянскаго Благотвор. Общества и любви русскаго простонародья къ церковно-славянскому языку, это сказаніе оказывается весьма полезнымъ и пригоднымъ. — Къ тому же служатъ тропарь и кондакъ, приложенные въ текстѣ и на полахъ къ каждой изъ этихъ трехъ книгъ (къ «Сказанію» въ текстѣ приложена еще одна стихира).

Заключаямъ свои замѣтки. Въ рассмотрѣнныхъ книгахъ, Славянскимъ Благотвор. Обществомъ все предусмотрѣно, ничто не опущено изъ того, что можетъ потребовать народъ отъ своей книги и что можемъ служить къ его назиданію. При такой тщательности ихъ изданія, можно только пожелать ихъ наибольшаго распространенія въ народѣ и пользы для него въ настоящій моментъ, когда онъ стоитъ на рубежѣ своей тысячелѣтней исторіи и вступаетъ въ новую фазу развитія своего самосознанія.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Кирилло - Меодіевское братство въ Астрахани. Азбучная молитва св. Кирилла. Историко - археологическое общество въ Саратовѣ. Причина закрытія армянскихъ училищъ на Кавказѣ. Обращеніе естовъ въ православіе. Приговоры крестьянъ о посѣщеніи ихъ дѣтьми богослуженія. Новый учебный округъ въ Сибири. Новая организація сѣздовъ духовенства на Волгѣ. Призывъ настоящаго года. Памятникъ покойному Государю въ Кишиневѣ. Кончина князя Орлова.

— «Новостямъ» сообщаютъ, что въ мѣстности, гдѣ прежде всего раздавался голосъ просвѣтителей, славянскихъ учителей — Кирилла и Меодія, и гдѣ былъ первый, просвѣщенный ими Христовою вѣрою, христіанинъ, именно, въ Астрахани, къ предстоящему празднованію тысячелѣтія Кирилла и Меодія готовится «основаніе Кирилло - Меодіевскаго братства». Въ составъ этого братства войдутъ и другія существующія уже просвѣдательныя учрежденія, какъ, напримѣръ, Троицкое братство при соборѣ для обращенія молоканъ и сектантовъ въ христіанство, равно какъ «общедоступныя религіозно-педагогическія чтенія», ведущіяся въ епархіальной библиотекѣ, духовно-училищный совѣтъ для завѣдыванія вновь открываемыми церковно - приходскими школами, редація мѣстныхъ «Епархіальныхъ вѣдомостей» и пр. учрежденія, которыя имѣютъ цѣлью религіозно - нравственное развитіе народа въ духѣ православной церкви. Говорятъ также объ открытіи при всѣхъ городскихъ церквахъ духовно - приходскихъ школъ на средства общества духовенства.

— Въ рукописяхъ новгородской Софійской библиотеки, принадлежащихъ теперь Петербургской Духовной Академіи, недавно найдена «Азбучная молитва» Св. славянскаго апостола Кирилла (Константина), въ спискѣ XVI вѣка, которая и напечатана въ тысячелѣтію со дня кончины Св. Меодія въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ — въ «Странникѣ». Памятникъ представляетъ довольно любопытное явленіе въ старомъ славянскомъ литературѣ; но вышелъ ли онъ изъ — подъ пера самого Св. изобрѣтателя славянскихъ письменъ Кирилла — остается пока нерѣшеннымъ. Особенность этой молитвы состоитъ въ томъ что каждой буквѣ алфавита соответствуетъ стихъ молитвы, начинающійся непременно съ той буквы противъ которой стоитъ.

— На утвержденіе правительства поступилъ уставъ проек-

тируемаго историко-археологическаго общества въ Саратовѣ. Цѣль общества: а) разысканіе и собраніе рукописей, актовъ, грамотъ, монетъ, всякаго рода древностей и памятниковъ относящихся до исторіи края; б) произведеніе раскопокъ кургановъ и изслѣдованіе другихъ памятниковъ старины находящихся въ Саратовской губерніи и обращающихъ на себя особенное вниманіе въ археологическомъ или историческомъ отношеніяхъ, а также в) составленіе описаній историческихъ мѣстностей въ губерніи, монастырей, церквей, скитовъ, городовъ, селъ и приведеніе въ систему всего что будетъ отыскано трудами членовъ общества для историческаго и археологическаго описанія края.

— Въ послѣднее время не мало шуму наделало правительственное распоряженіе о закрытіи армянскихъ школъ въ Закавказскомъ краѣ, вслѣдствіе не желанія ихъ подчиниться существующимъ относительно этихъ школъ постановленіямъ отъ 19 іюля 1874 г. и дополненныхъ Высочайше утвержденными правилами 16 февраля 1884 г. По правительственному разъясненію сущность этого дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Указанными выше правилами постановлено: а) чтобы во всѣхъ училищахъ преподавался русскій языкъ, а въ тѣхъ изъ нихъ, въ коихъ преподаются всеобщая исторія и географія, эти предметы также преподавались на русскомъ языкѣ; б) чтобы преподаватели въ этихъ училищахъ были русскіе подданные, обладали надлежащими нравственными качествами; в) чтобы объ открытіи или закрытіи училища, о назначеніи или увольненіи учителя армянское духовное начальство доводило до свѣдѣнія попечителя округа, и г) чтобы тому же попечителю представлялись учебныя планы курсовъ русскаго языка, исторіи и географіи отъ каждаго вновь открываемаго училища и также данныя для статистической отчетности по учебному дѣлу въ краѣ. Училища, которыя по своему курсу выходятъ изъ предѣловъ элементарной школы, подчиняются надзору училищнаго начальства (инспекціи) на общихъ основаніяхъ съ частными учебными заведеніями. Училища, имѣющія цѣлью готовить къ поступленію въ духовенство армяно - григорианскаго исповѣданія, изъяты отъ всякаго надзора учебнаго начальства.

Высшее армянское духовенство и синодъ постоянно уклонялись подчиниться этимъ правиламъ, такъ что правительство, наконецъ, вынуждено было «принять болѣе рѣшительныя мѣры», которыя выразились предложеніемъ эчмиадзинскому синоду привести въ дѣйствіе правила 16-го февраля въ теченіе двухъ недѣль, иначе училища, не исполнившія этихъ требованій, будутъ закрыты. Синодъ далъ уклончивый отвѣтъ, и, такимъ образомъ, пришлось закрыть въ Тифлисѣ 15 училищъ и нѣсколько школъ въ Елисаветпольской губерніи.

— Изъ Гапсала въ эстевую газету «Wigulane» пишутъ что на островѣ Гія (Эстляндской губерніи) въ теченіе трехъ дней перешло въ православіе сто двадцать семь человекъ. Баптистскіе и ирвингянскіе миссіонеры оставили упомянутую мѣстность, такъ какъ ихъ дѣятельность осталась безуспѣшною.

— «Сельскій вѣстникъ» сообщаетъ, что въ январѣ мѣсяцѣ въ нѣсколькихъ селахъ Петербургскаго уѣзда крестьянами составлены приговоры, которыми влѣгается въ обязанность родителямъ посылать дѣтей ихъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, въ воскресные и другіе праздничные дни въ приходскія церкви. За исполненіемъ этихъ приговоровъ наблюдаютъ выборные крестьяне и сельское начальство.

— Высочайше разрѣшено учредить съ 1 іюня текущего года Западно-сибирскій учебный округъ со включеніемъ въ составъ онаго губерцій: Тобольской и Томской и областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской. По слухамъ, сообщаемымъ «Русск. Кур.», почетителемъ Западно-сибирскаго округа будетъ назначенъ срднпарный профессоръ по кафедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней въ Казацкомъ университетѣ, докторъ медицины дѣйствительный статскій совѣтникъ В. М. Флоринскій.

— По словамъ «Волыни», непродуманные затраты съѣздовъ обратили на себя вниманіе архіепископа волынскаго Тихона. По его распоряженію, впредь на съѣздъ должны быть избираемы депутатами лица опытные, небывшія подъ судомъ и извѣстныя своею дѣятельностію и притомъ только по одному изъ каждаго благочинія на окружной съѣздъ, — и по одному изъ уѣзда на епархіальный. Такимъ образомъ, на будущее время епархіальный съѣздъ будетъ состоять только «изъ двѣнадцати депутатовъ» вмѣсто ста двадцати и окружные тоже изъ двѣнадцати вмѣсто тридцати. Притомъ, съѣздамъ духовенства вмѣняется въ обязанность разсуждать только объ изысканіи средствъ на содержаніе училищъ, но отнюдь не вмѣшиваться въ учебно-воспитательную часть и не касаться дѣйствій служащихъ въ заведеніяхъ.

— На дняхъ «военное министерство внесло въ государственнй совѣтъ представленіе объ очередномъ 1885 г. наборѣ». По представленнымъ даннымъ, контингентъ новобранцевъ 1885 г. опредѣленъ въ 230,000 чел.

— Кишиневскій корреспондентъ «Новостей Дня» сообщаетъ, что Кишиневская городская дума, получивъ разрѣшеніе, постановила открыть памятникъ въ Бозѣ почившему Императору Александру II. День открытія назначенъ 12 апрѣля—годовщина объявленія войны Турціи (12 апрѣля 1817) Памятникъ сооруженъ по рисунку Опекушина. Онъ стоитъ въ Александровскомъ саду у входа съ Александровской улицы.

— Во Франціи, въ Фонтенбло, скончался князь Н. А. Орловъ, нашъ посланникъ въ Берлинѣ. По своимъ талантамъ это былъ выдающийся нашъ дипломатъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и вліяніемъ въ дипломатической сферѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отношенія Россіи и Англій по афганскому вопросу. Приготовленія къ войнѣ. Переѣзды министерства во Франціи. Слухи о мирѣ съ Китаемъ и предварительныя условія этого мира. Миръ между Кореею и Японіей. Кирилло-Меодіевскій праздникъ въ Велеградѣ. Протестъ Сербскаго митрополита Михаила противъ антиканоническаго поставленія митрополита Θεодосія и отвѣтъ патріарха.

— Самую выдающуюся злобу дня въ политическомъ мірѣ, на которой теперь сосредоточено всеобщее вниманіе составляютъ отношенія между Россіей и Англіей по афганскому вопросу, особенно обострившіяся вслѣдствіе извѣстнаго уже нашимъ читателямъ изъ телеграммъ генерала Комарова столкновенія нашихъ войскъ съ афганцами на Кушкѣ. Столкновеніе это обончавшееся пораженіемъ Афганцевъ произвело тѣмъ болѣе неприятное впечатлѣніе въ Англій, что оно случилось какъ разъ въ то время, когда происходило въ Риваль-Панди, на сѣверо-западной границѣ Индіи, торжественное свиданіе вице-короля Индіи лорда Дэфферина съ эмиромъ афганскимъ, на которомъ въ избыткѣ расточались взаимныя увѣренія въ дружбѣ и преданности. Отъ 31 марта изъ Риваль-Панди получена теле-

грамма: «Вице-король простился вчера съ эмиромъ. Сегодня эмиръ выѣхалъ отсюда. Эмиру пожалованъ орденъ Звѣзды Индіи первой степени. Предъ отъѣздомъ эмиръ выразилъ надежду на постоянную дружбу между Индіей и Афганистаномъ». И правительство и общество англійское не на шутку встревожено столкновеніемъ на границѣ Афганистана. Кромѣ того, что это происшествіе сдѣлалось предметомъ обстоятельнаго парламентскаго обсужденія,—въ Англій начаты военныя приготовленія на случай войны съ Россіей. Издавъ королевскій приказъ о созывѣ резервовъ; въ арсеналахъ и верфяхъ идетъ усиленная работа по изготовленію военныхъ судовъ къ плаванію, въ Индіи предположено для военныхъ дѣйствій въ Афганистанѣ сформировать два корпуса по 25.000 человекъ; предписано устроить постройку желѣзной дороги въ Кветту. Въ газетахъ являются уже разныя предположенія и соображенія по поводу предстоящей войны между Россіей и Англіей. Изъ нихъ особеннаго вниманія для насъ заслуживаетъ вопросъ о положеніи, какое приметъ въ случаѣ войны Турція. Наиболѣе существенный вредъ намъ можетъ нанести Англія въ Черномъ морѣ, входъ въ которое находится во власти и рукахъ Турціи. По газетнымъ извѣстіямъ, Турція, на случай войны, будетъ соблюдать нейтралитетъ. Впрочемъ люди и газеты болѣе умѣренные и благоразумные не теряютъ еще надежды, что недоразумѣніе между Россіей и Англіей будетъ улажено миролюбиво. И дай Богъ! Война во всякомъ случаѣ—дѣло печальное и ляжетъ тяжелымъ бременемъ на народъ.

— Французы въ Тонкинѣ потерпѣли неудачу и должны были отступить изъ Лангсона. Это обстоятельство послужило причиною паденія министерства Ферри. Новый кабинетъ составилъ изъ слѣдующихъ лицъ: Бриссонъ—президентъ и министръ юстиціи, Фрейсине—иностранныхъ дѣлъ, Алленъ-Тарже—внутреннихъ дѣлъ, Кламажеронъ—финансовъ, Кампеновъ—военный министръ, Сади-Карно—публичныхъ работъ, Пьеръ Легранъ—земледѣлія, Эрве Манконъ—торговля, Кобле—народнаго просвѣщенія, Сарриенъ—почтъ и телеграфовъ, Калиберъ—морской министръ. Декларация прочитанная въ палатѣ депутатовъ президентомъ совѣта министровъ, Бриссономъ, опредѣляетъ задачу новаго кабинета необходимою возстановить внутренній миръ и согласіе и сосредоточить свободныя республиканскія силы. Отъ Китая правительство потребуетъ де уваженія къ правамъ Франціи какъ въ договорнымъ, такъ и къ проистекающимъ изъ конвенціи 11 марта 1884 года. Цѣли этой, предполагается де достигнуть переговорами, а въ случаѣ надобности и оружіемъ. Ко вышнимъ вопросамъ кабинетъ не будетъ относиться равнодушно, но прежде всего будетъ руководиться соображеніемъ, затрогиваются ли непосредственно во всякомъ вопросѣ жизненные интересы Франціи (одобреніе) Палата вотировала кредитъ во 150 милліоновъ на Тонкинскую экспедицію. По съ другой стороны изъ Китая получены свѣдѣнія о готовности китайскаго правительства заключить миръ съ Франціей. Китайцы обѣщаютъ очистить Тонкинъ въ срокъ отъ 20 апрѣля по 31 мая «Агенство Гаваса» сообщаетъ главные пункты предварительныхъ условій мира: Тотчасъ по обнародованіи императорскаго декрета предписывающаго исполненіе Тяньцзиньской конвенціи и очищеніе Тонкина Китайцами всѣ военныя дѣйствія будутъ приостановлены и блокада Фермозы и Панкои будетъ снята. Одновременно съ предписаніемъ китайскимъ войскамъ отступить за границу Патнотеръ отправится въ Тяньцзинь или Покинъ для переговоровъ объ окончательномъ мирномъ и дру-

жественномъ договорѣ. Договоръ опредѣляетъ срокъ очищенія Формозы. Когда договоръ будетъ предписанъ и одобренъ императорскимъ декретомъ, Французы устранять препятствія кои французскіе крейсера ставятъ перевозкѣ военной контрабанды въ Сѣверномъ Китаѣ, Франція отзоветъ свой флотъ и Китай откроетъ свои гавани для французской торговли.

— Телеграфъ принесъ также извѣстіе о мирѣ между Кореею и Японіею. Извѣстно, что во время бывшей недавно въ корейской столицѣ революціи, во время которой убиты были нѣсколько японскихъ подданныхъ и повреждена собственность японскаго государства, между Кореею и Японіею заключенъ слѣдующій договоръ: 1) Корея обязывается официально извиниться предъ Японіею; 2) Корея платитъ 450,000 марокъ вознагражденія семействамъ убитыхъ и раненыхъ во время мятежа японцевъ; кромѣ того, японскіе купцы должны получить вознагражденіе за понесенныя ими отъ мятежа потери; 3) убійцы капитана Изобайза должны быть преданы суду и наказаны, сообразно совершенному ими преступленію; 4) корейское правительство обязывается вновь построить сожженныя зданія японскаго посольства и консульства; 5) на прилегающей къ зданію посольства территоріи будетъ воздвигнуто особое зданіе для японскаго гарнизона. Деньги должны быть уплачены въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, а убійцы — наказаны не позже 20-ти дневнаго срока. Корейскій премьеръ Меллендорфъ отправился въ Японію, чтобы отъ имени корейскаго короля выразить микадо сожалѣніе по поводу печальныхъ событий.

— Газеты сообщаютъ любопытныя подробности о празднованіи памяти св. Кирилла 6 апрѣля (по нов. ст.) въ Велеградѣ, въ Моравіи. Извѣстно, что католики хотѣли придать этому празднику демонстративное значеніе направленное противъ православнаго славянства. Но эта затѣя неудалась. О церемональной части торжества мы уже сообщали въ предшествующемъ №, общее впечатлѣніе этого праздника вѣнскій корреспондентъ «Всеобщей газеты» передаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Если вспомнить какъ разсылались недавно извѣстія о приготовленіяхъ къ предстоявшему въ Велеградѣ торжеству, какъ шумно возвѣщались, что демонстрація католическаго австрійскаго славянства предъ славянствомъ вѣрнымъ восточной церкви, — теперешнія извѣстія объ открывшемся уже торжествѣ, о началѣ демонстраціи, невѣрно вызываютъ улыбку сожалѣнія, ибо зачинщики движенія, замыслившіе обратитъ истинно-церковное празднество въ задорную политическую агитацію, вполне орамылись. Корреспондентамъ нашихъ и иностранныхъ газетъ прибывшимъ къ этому времени въ Велеградъ нечего было опивать и они не выручили своимъ трудомъ даже издержекъ поѣздки. Одинъ изъ нихъ откровенно разказываетъ что, кромѣ представителей духовенства, одни газетные репортеры представляютъ пока пребывшую сюда «интеллигенцію», на многочисленность которой такъ разчитывали. Полагали во всякомъ случаѣ что сюда соберутся «представители славянства» изъ всѣхъ австрійскихъ земель», «стекались всего нѣсколько тысячъ крестьянъ изъ сосѣднихъ моравскихъ городовъ и селъ, число далеко не подходящее даже къ тому которое ежегодно пребываетъ въ Прагу ко дню празднованія памяти св. Непомука. Мы далеки отъ мысли умалить сколько-нибудь

блескъ именъ славянскихъ первоучителей и величіе ихъ духовныхъ заслугъ; мы, напротивъ, глубоко сочувствуемъ поклоненію этимъ святымъ дѣятелямъ и вполне цѣнимъ значеніе чествованія ихъ по инициативѣ служителей церкви. Но мы всегда были противъ всякой агитаціи чинимой ихъ именемъ для сѣянія раздора между братскими племенами, никогда не вѣрили, чтобы Россія со своей стороны затѣвала какія-либо демонстраціи при чествованіи славянскихъ апостоловъ, и радуемся что и съ другой стороны усилія разныхъ мутителей разсѣялись, обратившись въ пустую фикцію».

— Сербскій митрополитъ, Михаилъ, насильственно лишенный престола и проживающій въ настоящее время въ Россіи, адресовалъ вселенскому (Константинопольскому) патриарху Іоакиму IV отъ 29 декабря прошедшаго года посланіе, въ которомъ отъ лица своего и другихъ вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ сербскихъ архіереевъ протестуетъ противъ антиканоническаго признанія патриархомъ возведеннаго на Сербскій престолъ исключительно волею Сербскаго правительства митрополита Θεодосія. Телеграмма изъ Бѣлграда отъ 30 марта сообщаетъ, что вселенскій патриархъ, согласно рѣшенію константинопольскаго синода, отвергъ, какъ не имѣющій основанія, протестъ бывшаго митрополита Михаила противъ назначенія Θεодосія. Патриархъ доказываетъ въ письмѣ къ митрополиту Михаилу, что каноническія правила не были нарушены.

отъ состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ государыни императрицы БРАТСТВА СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ МАРИИ.

Въ день годичнаго поминовенія усопшихъ братчиковъ и благотворителей Братства, въ недѣлю св. женъ мученицъ, 7 апрѣля, имѣютъ быть совершены соборнымъ служеніемъ божественная литургія и панихида въ Ризположенской, на Донской улицѣ, церкви. Начало литургіи въ 10 часу утра.

Въ часъ дня, въ залѣ Маріинскаго Ризположенскаго училища, будетъ совершено предсѣдателемъ Братства, преосвященнымъ Алексіемъ, епископомъ Таврическимъ, молебствіе свв. Кирилу и Меѳодію, первоучителямъ Словенскимъ, послѣ котораго имѣетъ быть засѣданіе Братства.

Члены Братства симъ приглашаются къ божественной литургіи, молебствію и въ засѣданіе Братства.

отъ СОВѢТА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

По случаю чествованія памяти славянскихъ первоучителей свв. Меѳодія и Кирилла Общество любителей духовнаго просвѣщенія будетъ имѣть 7-го апрѣля торжественное собраніе, въ которомъ будутъ произнесены приличныя торжеству рѣчи. Начало собранія въ 7 часовъ вечера.

Члены Общества и посторонніе посѣтители приглашаются въ залу епархіальной бібліотеки, въ Высокопетровскій монастырь, на Петровкѣ.